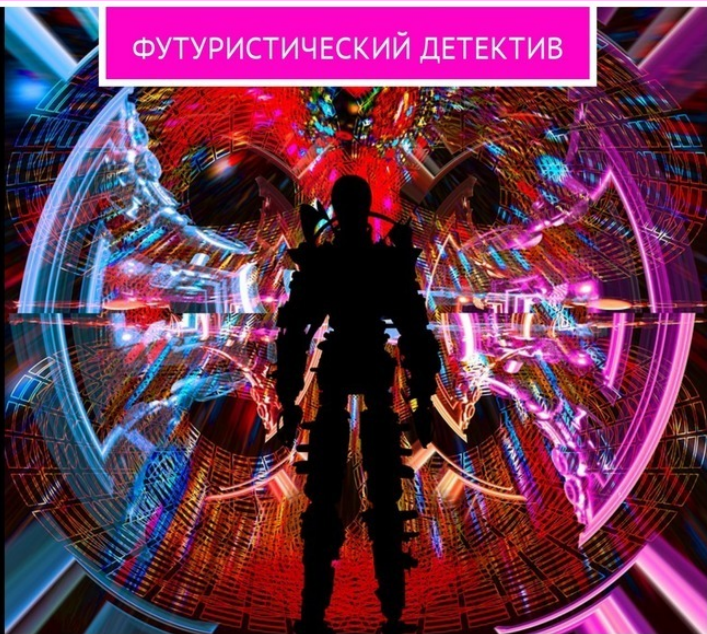

СЕРГЕЙ КОМЯКОВ

KILL СИСТЕМУ

ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Сергей Комяков

Kill систему.

Футуристический детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27057388

ISBN 9785448587528

Аннотация

XXIV век, на Земле торжество трансгуманизма. Человек бессмертен. Жизнь прекрасна. Если бы не господство финансовых корпораций, тотальной идеологии счастья и массового отупения населения. В этих условиях Мари Сан Го –один из руководителей секретной службы – проходит штатную полевую стажировку по ловле людей с неадекватными социальными реакциями. Однако она сама становится одной из фигур в борьбе фриланса и искусственного интеллекта за будущее человечества...

Содержание

Проблема	5
Незнакомка	27
Родной Гуачжоу	45
Дорога	87
Пророк	99
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Kill систему Футуристический детектив

Сергей Комяков

*Не все мы умрем, но все изменимся
Апостол Павел*

© Сергей Комяков, 2017

ISBN 978-5-4485-8752-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проблема

Утренние звонки омерзительны.

– Вик, твою ж мать, – загремел нейрофон, – ты будешь, наконец, брать трубку!

– Лучше бы ты в рот взял, – пробурчал Вик и лениво потянул к себе трубку нейрофона, – чего тебе.

– Ты знаешь, – быстро заголосил Ин АФ, – я звоню в голосовую только в особых случаях.

– А, – хмыкнул Вик.

– Поэтому дорогой Вик, – Ин АФ теперь извинялся за грубость, – будь добр бери трубочку, когда мигает светодиод. Он мигает, а ты ее тогда подними. Возьми своей электромеханической рукой и поднеси к уху.

– Ага, – Вик, наконец, сел на гидромассажном лежаке, – а откуда ты такие сложные слова знаешь? Умный стал?

Вик включил нейровизор и Ин АФ оказался в дальнем углу его комнаты.

– Какое счастье, – съязвил Ин АФ и поклонился. Это был невысокий коренастый человек глаза, которого были закрыты экраном нейровизора, – наконец увидеть тебя, дорогой, и не наглядный.

Вик махнул рукой.

– У меня срочный заказ, – Ин АФ даже сжал руки от нетерпения, – тройная оплата плюс бонус и плюс премия.

– И что, – скривился Вик, – нужен он мне, когда ты нагло будишь меня по утрам. Какое качество жизни при таком варварском подходе?

– На часы посмотри, – кротко посоветовал Ин АФ и оскалится.

Вик взглянул на циферблат часов, высветившийся вверху нейровизора сразу, как только он мысленно приказал компьютеру: «часы». Стрелки показывали 13.53.

– Вот так действительно твою ж мать, – вырвалось у Вика.

– И я о том же, – Ин АФ широко улыбнулся, – что-то ты заспался дорогуша.

– Заспался, – нехотя согласился Вик. В столовом блоке уже стала пиликать компьютеризированная мультипечка, и запел подогрев – они готовили те блюда, о которых успел подумать Вик.

Вик потерял татуировку на левом плече – переплетенные буквы H и F – анаграмма от «Happiness and Freedom» – вечного девиза фриланса.

Ты что-то задумчив сегодня Викуша, – поинтересовался Ин АФ, – дай угадаю вещества или алкоголь? А может все ночь крутил сознание через гиперфон?

– Да иди ты, – зло бросил Вик.

– С удовольствием, – весело засмеялся Ин АФ, – я хоть сейчас приеду.

– О господи, – Вик потерял виски, – давно ты вмонтировал педерастический блок?

– Думаю, я всегда был таким. Это всегда было в тренде.

– Ну и дурак, – Вик все еще злился.

– Сам такой.

– Ты голубец что-ли? – переспросил Вик.

– Нет, – сказал Ин АФ, – дурачок, включил бы центр здоровья и давно бы пришел в норму.

– Я его включил мой голубой умник, – Вик ударил себя по боку, на котором висел серый овал центра здоровья, – через пару минут он окончательно все перестроит, и я буду работать. Трудиться на твое счастье.

– Вот это дело. Вот такой ты мне очень нравишься.

– Ты мне никакой не нравишься, – цыкнул зубами Вик.

– Ну, у всех нас ест какие-то недостатки, – съязвил Ин АФ, – даже у тебя. Викуша. Хотя тебя я ценю в любом виде.

Вик покачал головой как бы соглашаясь. Лежак хорошо массировал ему спину, а похмелье действительно быстро проходило. Вик потянулся. Его жилище было отделано нестандартными панелями стен, нестандартными панелями пола и нестандартными панелями потолка. Такие было сложно найти в стандартном сетевом каталоге. А многие и вообще были выпущены ограниченной серией. Тоже можно было сказать и о нестандартной дизайнерской мебели, стоявшей в комнате. В общем обыкновенное жилище фрилансера пережившего Великую Информационную войну, не сошедшего с ума и не ставшего банкротом.

– Дело такое – всем деньги нужны. Ты по частям абгрей-

дишься, – заметил Ин АФ, – а это дорого и долго. Долго и дорого.

Вик, наконец, поднялся с матраса, который сразу же скользнул в стену. Одновременно изменилось освещение комнаты, а стены из темно-красных стали серо-стальными. В таких условиях хорошо, а главное эффективно работалось.

– Тебе – то что? – посмотрел на Ин АФа Вик, но стал раздумывать, не перевести ли собеседника только в голосовой режим, – велика забота тебе, из каких я элементов собран?

– Никакой, – бодро ответил собеседник, – твое дело. По мне так выгоднее сразу с «Азбукой» мутить на полный комплект и нет проблем.

– Ты себя с самого детства помнишь? – зло спросил Вик.

И сейчас он попал в цель.

– У меня двое детей, ты же знаешь, – Ин АФ посмотрел в пол, – мне пришлось стирать часть личного блока. Семья, дети.

– Потому ты хрень и несешь, – сказал Вик, разминая руки, – тебе и имярек сократили на треть, а скоро вообще на номер переведут, и будешь ты вечно молодым. С памятью как у инфузории туфельки. Тогда ты и меня забудешь, а жить будешь просмотром футбола и рекламы за микробонусы.

Ин АФ вздохнул:

– Я больших преимуществ не вижу перед вечностью. Вот ты столько денег шарахаешь, чтобы в вечных держаться. Да и остальные вечные именно поэтому без кредитов сидят, что

кредитные рейтинги на нуле из-за неприкасаемой личной памяти и воспоминаний, которые вы считаете бесценными. Прямо медом для вас намазано это слово «вечные».

– А что делать, – Вик подтянулся на перекладине семь раз и стал разминать ноги, – мы живем иллюзией среднего класса века двадцатого. Думаем, что независимы от ФРС и от «Азбуки», а ты даже этого не думаешь. Понимаешь, что ты раю системы. И нет выхода.

– Вот именно, что иллюзией, – поддержал Ин АФ, – и надо вам это? Раз в три – четыре года мучения переимплантирования то ноги, то руки, то центрального кровяного насоса. И все дорого и долго, но только бы вам, вспоминая, оставили. А нам вжик и за шесть часов все сделали и полвека ходи, прыгай, радуйся. Хоть лошадью живи, хоть свиньей, а профессиональные умения и опыт целиком остаются.

– Остаются, – согласился Вик, – у свиньи или у сатаны и знания и опыт. Можно жрать дальше.

– Ладно, – махнул рукой Ин АФ, – мы много раз с тобой об этом говорили. А все при своем остаемся. Ты идеалист, а я прагматик. Давай к делу. Оно срочное – надо придумать целиком ролик с текстом и не банальным слоганом. Чтобы продержался в топе хотя бы десять минут.

– Ничего себе, – Вик даже перестал жевать стейк, – ты чего? Где ты такого уroda нашел? С таким диким заказом? Десять минут в топе? А он не хочет час или сутки? Век может?

– Он сразу платит семь тысяч, а всего с бонусами тебе

выйдет штук двадцать, – ехидно оскалился с нейрона Ин АФ, которого в жизни Вик никогда не видел. Может в жизни Ин АФ и был говорящей свиньей или летающей коровой. Вик не знал. Его это не интересовало.

Но услышав сумму Вик, снова начал машинально жевать стейк. Зуммер неисправности ноги отрешал в голове уже с месяц, пора было писать «Азбуке». Но деньги.... А вот теперь можно было спокойно перешить ногу. Такие как Вик не менялись сразу. «Азбука» делала вечные биоэмплантамы, но раз несколько лет надо было переустанавливать их проги. Консультанты «Азбуки» плели что-то про страшные багги в старых программах, про биотерроризм, но все понимали, что причиной постоянного апгрейда лишь жадность разработчиков. Попытки взломать проги «Азбуки» или сделать новые приводили к взрывам имплантов. А если тебе покатила третья сотня, то нет смысла рисковать как какой –нибудь молодой.

Вик отрезал кусок стейка. Робот – домохозяин потер ему спину, именно так как умела тереть спину третья жена Вика. Нет как четвертая. Впрочем, какая разница, это была одна из средних жен.

Ин АФ все еще смотрел с нейрона:

– Ну как дорогой? Ты очухался? Я не зря тебя разбудил?

Вик кивнул:

– Не зря. Ты временами делаешь хорошие поступки. Хорошо, сейчас доем и буду работать как папа Карло.

– Папа Карло, – насторожился Ин АФ, – это новый и крутой фрилансер? Я его знаю? Может сбросишь мне его адрес?

– Нет, – Вик махнул рукой и перевел Ин АФ в голосовой режим, – это персонаж из старой такой сказки. Итальянской сказки, века семнадцатого.

– А, – крикнул Ин АФ из пещеры голосового нейрофона, – так бы сразу бы и сказал, что это ваша философия. А то разволновал меня. До свидания дорогой.

Закат за фоном был настоящий. Пища была настоящая. И люди были настоящие. Или мнящие себя таковыми.

Вик медленно тянул виски с Ал Дуб Ином, человеком, на левом плече которого печатались буквы Н и F.

– Ты знаешь, – наклонился к Вику Ал Дуб Ин, – мне противно, что наша власть делает с ними. Они делают из молодых сплошную биомассу.

– Да, – согласился Вик и отпил виски. Вчера он получил деньги за последний заказ и сегодня переустановил прогу. Нога перестала болеть. «Азбука» предоставила бесплатный мониторинг и он узнал, что следующей вылетит печень, но до этого еще долгих четыре года. А сегодня он наслаждался тем, что он избавился от боли.

– Они, – Ал Дуб Ин посмотрел Вику в лицо и отхлебнул большой глоток виски, – хотят, чтобы все стали как молодые. Чтобы все стали стадом. А я против этого. Иногда даже думаю бросить все это так противно пахать на тупых заказчи-

ков. Противно.

– Уроды, – качнул головой Вик.

– А эти посредники, – понизил голос Ал Дуб Ин, – если они нам платят треть, то это уже хорошо. А сами только и делают, что шарятся по своим тусовкам, получил заказик от своих дружков – голубцов. Впихал нам и ходи свисти.

– Но что сделать? – Вик пожал плечами, – сам понимаешь разделение труда наиболее эффективно. Представь, что нам бы пришлось бы искать заказы по биржам и тендерам? Насколько снизились бы наши обороты?

– Обороты? Ты все об оборотах, – Ал Дуб Ин отвернулся к окну, – система полное говно. В этом все дело. Я давно все новости в нейровизоре заблокировал, а все потому, что система говно. Говно!

– А вот и нет, – раздался игривый голосок от раздвижной панели дальней стены, – вы слишком серьезны мои милые мальчики.

Голос принадлежал Д – 89/3 – новой жене Ал Дуб Ин. Она была из молодых, на других, нормальных у Ал Дуб Инна никогда не хватало денег. Но эта была очаровашка. Вик никогда бы не сказал, кто и где нарисовал такое лицо и фигуру. В Д – 89/3 было что-то из древних фэнтези, но не было банальности многих молодых. Это была мечта десятиклассника, но не приторная, не задроченная обложка, а свежий образ, еще не вошедший в тираж.

– Ты что-то сказала? – отозвался Ал Дуб Ин, оборачиваясь

к Д – 89/3.

– Я вот не помню ничего личного, того, что древнее семнадцати лет, хотя по документам я не моложе вас. А зачем мне это надо? – Д – 89/3 хихикнула, – зачем мне помнить то, чего я и не хочу помнить. Жить надо легко. И система позволяет нам делать это. Она спасла нас от рабства тела и освободила сознание. Мы свободны как никогда.

Вик пожал плечами, а Ал Дуб Ин первая любовь, которого к Д – 89/3 еще не прошла тихо ответил:

– Возможна и такая точка зрения.

Вик с удовольствием вытянул теперь здоровую ногу и посмотрел на фон: Солнце пряталось в тучах. Он опустил пустой стакан на стол и сказал:

– Милая ты сейчас сказала самое начало учебника по основам общественной коммуникации. Думаю, оставшуюся часть в тебя вообще не загрузили.

Ал Дуб Ин страдальчески посмотрел на Вика, сейчас ему совсем не хотелось скандала. Но Д – 89/3 казалось и не заметила колкости Вика.

– А ты Вик, – ласково спросила новая девушка Ал Дуб Инна, – ты еще не нашел себе пассию?

– Ну, ты прямо так сразу, – посмотрел на нее Ал Дуб Ин, – у человека и так семь браков и восемь разводов.

– Семь и восемь – хихикнула Д – 89/3, – а почему? Почему так?

«Сколько их у тебя – подумал Вик, – если бы ты их пом-

нила. Пробы ставить негде».

– Так получилось, благодаря нашему правительству, – ответил ей Вик, – моя какая-то по счету жена сменила форму, ориентацию, все что возможно. И мне пришлось разводиться с гомосексуальной морфоромой лесного моржа или что – то в этом роде. Морж уже жил в Арктике, ловил рыбу и был счастлив. Правда, апгрейдиться ему все равно было необходимо. А работать было лень. Мне пришлось разводиться снова и снова переоформлять алименты. Но Бог с ними. Услуги адвокатов обошлись раза в три дороже, чем эти алименты.

– Какой ужас, – засмеялась девушка и от души плеснула себе виски.

«Зачем молодые пьют дорогие напитки? – подумал Вик, – для них вполне достаточно синтетических наркотиков или симулятивновиральных прог. И дешево и сердито».

Ал Дуб Ин заметно побелел. Он был растерян и решил отойти от темы морали нравственности, которую он так любил. Но коренным пунктом его теории было то, что правительство всех превращает в молодых, которых он считал разумными животными, существующих только потому, что пока еще невозможно воспроизвести не только функционирование мозга, но даже функционал нейронных сетей. Однако, сейчас очередной пересказ такой теории привел бы к семейному скандалу.

Ал Дуб Ин резко выпил виски из своего стакана, подумал и блеснул диод над столовым блоком – он решился заказать

очередную бутылку.

Вик засмеялся и кивнул Д – 89/3:

– Когда – нибудь и ты решишься на такое. Станешь моржом или какаду.

– Фу нет, – отмахнулась девушка, – мне и так хорошо. Ал такая душка. Он обещал, что свозит меня в Полинезию.

– Свозит не беспокойся, – ответил ей Вик, – он свое слово держит.

– Именно из-за политики правительства, – все же ляпнул Ал Дуб Ин, – для молодых такие льготы при трансморфизме, а мы тратим все, что есть на галимые проги для вечности. Это и называется социальной справедливостью.

Его жена засмеялась:

– А что вам мешает стать молодыми? Попробовали бы один раз. Может понравиться.

Вик и Ал Дуб Ин одновременно сморщились. Идея Д – 89/3 даже для молодой была совершенно безумной.

Ал Дуб Ин продолжал психовать, ему хотелось поскорее бы залить ставшую неудобной тему алкоголем. Светодиод спроектировал шифру – 2.45, через столько должна была приехать свежая бутылка.

«Интересно, что он заказал?», – подумал Вик и потянулся в кресле.

– Быть молодым не так уж и страшно, – опять рассмеялась девушка.

Ал Дуб Ин посмотрел на Вика взглядом говорившим:

«прости эту дуру». Видимо об этом же он сейчас просил и всесильного Господа, в которого никогда не верил.

Между тем Д – 89/3 стала понимать, что ее мнением пренебрегают.

– А что в этом такого? Что странного в моих предложениях? – крикнула девушка Ал Дуб Ину, – я, что глупее тебя? А мое тело лучше твоего! Это тебе докажет любая прога тестирования! Ты просто урод, который одержим своей исключительностью!

– Дорогая, – попытался ее успокоить Ал Дуб Ин, – дорогая, пожалуйста, не надо.

Вик подошел к обзорному фону. За его спиной все же разгорался семейный скандал. В 2274 году от Рождества Христова спор молодых и вечных был наиболее актуальным для населения старушки Земли. После создания в 2015 году корпорации «Азбука» проблема продления жизни стала решаться стремительно.

Уже в 2021 году были запущены в серийное производство электромеханические руки, ноги, сердца, искусственные почки, сосуды и нервы. Экзоскелеты сделали параличи легко преодолимыми.

А в 2028 году были сформированы первые бессмертные человеческие квазитела.

В 2085 году на Земле окончательно победил трасгуманизм. Население развитых стран – пресловутый золотой миллиард стало жит вечно, а остальным не повезло. Когда

ресурсы тел тех, кто не мог оплатить трансплантации закончили, они перестали функционировать и все. Так быстро и просто решилась проблема редкости ресурсов.

Боливар не выдержал двоих. Вернее он не выдержал восемь миллиардов людей. Но это ни тогда ни сейчас никого не заботило.

Те, кто смог перейти в физическое бессмертие быстро разделились на молодых и вечных.

Вечными называли незначительную часть тех, кто смог сохранить свое сознание в целости при трансплантациях. Эти люди могли оплачивать операции из собственных средств. Это было дорого, муторно, но позволяло целиком и полностью сохранить блоки личного сознания, сохранить свою личность.

Молодыми звали тех, кто прибегал к партнерской программе «Азбуки». Эта программа давала возможность быстро, за один сеанс изменить телоформу. Кредит, на какую операцию предоставляла ФРС – Федеральная Резервная Система. Но главное условие заключалось в том, что такая операция требовала обнуления сознания. Реципиенту сохранялись только профессиональные навыки, но полностью стирались личные воспоминания. После такой операции человек сохранялся как экономическая единица, но размывался как личность. Правда, иногда молодые и могли что-то вспомнить, но это было возможно если трансплантация была проведена с багами.

Вечные сохраняли все свои воспоминания. Правда, «Азбука» постоянно рекламировала вечную молодость, предлагая молодым все более и более выгодные условия. Целые линейки телоформ были доступны лишь молодым. Наиболее аппетитные и прекрасные женские и мужские телоформы передавались только молодым.

Вечным новинки были недоступны – дизайнеры «Азбуки» утверждали, что новые проги не адаптируются под старые цифровые оболочки вечных. Только годы спустя было возможно синхронизировать цифровые базы вечных и проги новейших телоформ.

Дискриминация была очевидна. Процессы в Верховном Суде Конфедерации длились уже несколько десятилетий. Однако, каждый выигрыш дела адвокатами вечных заканчивался очередной апелляцией юристов «Азбуки» и откатом ситуации назад.

Но те, кто стал вечными любой ценой держались за свое сознание. Они хладнокровно отвергали все привлекательные финансовые условия и сохранялись в морально устаревших и вечно больных телах.

Ренегаты находились. Иногда кто из вечных сдавался. Такого вечного долго таскали в информпоток – шоу. Показывали его в старой телоформе, больного и разбитого. А потом он предстал перед человечеством в новом виде. Он улыбался и говорил, что молодым жить не только можно, но и нужно.

Однако, вечные считали, что перешивка в молодые уни-

что жает их личность. Вот о том, что лучше быть здоровым с амнезией ли больным, но с памятью и велся бесконечный спор.

– Вик, – позвал Ал Дуб Ин.

Пока Вик размышлял, глядя в окно, наконец, по воздуху приехала бутылка хорошего виски и крекеры.

– Наша дискуссия слишком эмоциональная, – примирительно сказал Вик.

При этом он отметил, что девушка напряглась. Вик понял, что она не сразу вспомнила понятие «эмоциональная» и запросила об этом понятии Сеть.

Вик покачал головой, засмеялся, а потом прыгнул на летящий лежак рядом с Ал Дуб Ином. Девушка, наконец, успокоилась и даже заменила стаканы на чистые. Физически это сделал робот-домохозяин, но приказала ему это она. Вик подумал, что Ал Дуб Ин действительно влюбился если передал ей пароли от домашней техники. Это было смело, при желании дама могла изменить эти пароли и заблокировать Ал Дуб Ина в жилом блоке или за его пределами.

– Душечка, – Ал Дуб Ин улыбнулся Д – 89/3, – мы будем вести себя хорошо.

Она села напротив его:

– Я не хотела тебе говорить, но мой бывший был такой сволочью. Он постоянно унижал меня. Говорил, что я человек низшего сорта. А молодые это и вовсе не люди. А я ему нужна только потому, что человекоподобные роботы запре-

щены законом.

Ал Дуб Ин развел руками:

– Я никогда не хотел сделать тебе больно.

– Я знаю, мой милый Ал, – ответила Д – 89/3, – если у меня нет нормального, человеческого имени это совсем не значит, что я не человек.

Д – 89/3 посмотрела на Вик, он понял, что надо сказать что-то умное, и он сказал:

– Разумеется, нельзя унижать человека исключительно за его отношение к трансплантации.

– Твой бывший был мерзавец, – серьезно сказал Ал Дуб Ин, хотя Вик и уловил в его голосе ноту неуверенности.

– И я так считаю, – ответила Д – 89/3 и как-то виновато улыбнулась.

Ал Дуб Ин радостный, что конфликт угас поднял бокал и кивнул Вику.

Вик посмотрел на Д – 89/3 и подумал, как и почему она сдалась. Была это глупость наивной юности, осознанный поступок дурнушки, желавшей стать красавицей или хладнокровный шаг стареющей красавицы он знать не мог. Но судьбы молодых были стандарты. Глупость, наивность и бедность были секретами вечной глупости. Конечно, были те, кто не мог ни оплатить телоимплантацию, ни перекредитоваться в ФРС. Такие впадали в псевдокому. Они не умирали окончательно, но их сознание жило. Таких присоединяли к специальные сетям и они зарабатывали просмотром беско-

нечных рекламных роликов, спортивных состязаний и ток-шоу. Когда они, наконец, зарабатывали на новое телоформу их воссоздавали.

Примерно такая же участь ждала самоубийц. Уже в 2150 году «Азбука» создала банк инфрадублей сознания и ДНК. Если кто-то и решался на самоубийство, его сознание и ДНК извлекались из хранилища, тело и сознание воссоздавались. Потом десятилетие несчастный самоубийца существовал в режиме псевдокому. Так он отрабатывал и новое тело, и операцию по воссозданию и реабилитацию. Те из самоубийц которые вернулись в общество боялись даже говорить об этом. «Азбука» работала хорошо. Очень хорошо.

– Мальчики, вы опять забыли обо мне.

Фраза вырвала Вика из размышлений. Он вскинул голову. Д – 89/3 стояла перед ними с бокалом виски:

– Мальчики, я хочу выпить за союз вечных и молодых. У нас есть много общего.

Сказав, это девушка глупо засмеялась.

– Да, за союз вечности и молодости! – крикнул Вик и засмеялся.

Ал Дуб Ин больно ударил товарища по ноге, но кивнул своей девушке.

«Три недели счастья, – понял Вик, – потом поездка в Полинезию. Пара лет житейской тяготы. И полугодовой развод. Все как всегда. Ал Дуб Ин держит марку».

Вик вышел из жилища Ал Дуб Ина причудливой октайдерной формы. Формы жилищ менялись регулярно. Жители сами разрабатывали новый дизайн, долго его обсуждали и создавали новый дом. Постоянно по нейрофону шли шоу о лучшем доме в мире. Победители получали золотую или серебрянную звезду над входом.

Вик жил в доме с тремя золотыми и одной серебрянной звездой. Когда-то он этим даже гордился. Ох, и давно это было.

Вик не спеша шел. Хмель медленно уходил из головы, а Вик не хотел включать центр здоровья – хотелось отвлечься.

Он прошел два квартала. Слева прошелестел синий квадрокоптер с тремя красными огнями. Вик подумал, что рановато для наблюдения – он еще не гулял и четверти часа. Все стало понятно через полсотни метров: за очередным домом веселилась небольшая компания. Квадрокоптер полетел обеспечивать их безопасность.

Но Вик решил не рисковать и через персональный нейрофон вызвал электромодуль.

Небольшой карт прибыл фактически мгновенно. Он выверено подкатил к Вику. Остановился и откинул верхнюю дугу безопасности. Еще во время поездки электромобиль подстроил кресло под тело Вика и успел предложить ему весь набор разрешенных Вику слабостей: виски и прямое

включение хоккейного матча.

Вик усмехнулся, поблагодарил и отказался. Электромобиль не расстроился и степенно побегал к жилищу Вика.

У дома он остановился, снова откинул верхнюю дугу и поблагодарил человека за поездку. Вик вылез из кабины и пошел к подъезду.

– Вик, – закричал кто-то из темноты.

Вик нехотя изменил настройки зрения и включил инфровидение. Звук исходил от Ту Рана. Это был сосед Вика, большой любитель телоформ. На счастье Вика он никогда не пытался предложить ему интимные отношения, хотя все в доме говорили о полисексуальности Ту Рана.

– Вик, – Ту Ран выполз из темноты и взмахнул какими-то зелеными ластами, – смотри, что я себе приделал.

Вик присмотрелся и понял, что Ту Ран в дополнение к хвосту приделал себе ласты «аля-мангуста». Эти ласты активно рекламировались последние дни по нейрофону.

– И как? – участливо спросил его Вик. Он постарался вообще не думать ни о чем, – Ту Ран хоть и молодой, но мог поймать обрывки эмоциональных образов Вика о себе и обидеться.

– Отлично, – закричал Ту Ран, – я уже восемь телочек поймал в Сети на это.

И он потряс ластами в воздухе.

– Что опять в кредит? – поинтересовался Вик.

– Конечно, – засмеялся Ту Ран, – откуда у меня такие

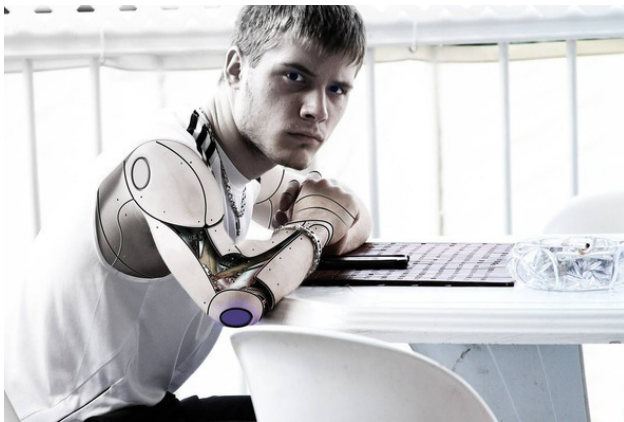
деньги, чтобы за наличку? Вот может в Сети наберу рейтинг, тогда и заплачу все сразу. У меня подписчиков все больше и больше. А потом на информшоу выйду и тогда заживу.

Надо было как-то отвязаться и Вик дежурно спросим:

– Система от этого не виснет?

– Нет, – громко засмеялся Ту Ран, – к лапам идет новый блок! Новый блок для системы Вик! Вообще как новый стал! Думал и шага не сделаю с лапами и хвостом, а как поставили так, словно полетел! А может и летать скоро смогу.

– Ну и ладушки, – вздохнул Вик и пошел в дом.

– Вик, ты реально лажаешь с этим, – крикнул ему вслед Ту Ран, – давно перешел бы в молодые и апгрейдовался бы как хотел! С твоим-то рейтингом тебя лет сорок будут бесплатно

апгрейдить!

– Вот чего мне совсем не надо, – хмуро отозвался Вик и вошел в свой индивидуальный блок.

Для него не было ничего печальнее этих апгрейдов. Ин АФ как-то умудрялся всегда находить молодых без особенных претензий. Может быть, и не особенно тупых. Но многие молодые требовали, чтобы их партнеры постоянно меняли телоформы. Нормальным было если парочка или троечка любовников постоянно меняла телофрмы. То они были моржами, то собаками, то птеродактилями. А телоформы менялись раз в полгода. Причем целиком. Но чтобы так быстро менять телоформы необходимо было быть молодым. Для вечных большая часть операций была заблокирована «Азбукой». Будь ты даже миллионер тебе не удалось, бы купить тефлорму кита или удава. Все что тебе оставалось это постепенный апгрейд без какой-либо надежды на совершенно новое тело.

Конечно, были и вечные дамы. Вечные дамы были очень хороши, но часто они не функционировали целиком. У них всегда болели какие-то части тела, регулярно лажали проги. А два вечных партнера, на фоне молодых, часто напоминали параличных стариков. К тому, вечные постоянно рыскали в поисках средств для апгрейда. Поэтому, связь с вечной была фактически не реальна.

Вик принял от робота – домохозяина чашку с кофе. Подошел к фону и посмотрел на улицу. Медленно и со вкусом

выпил кофе.

Потом Вик настроил нейрофон. Он блокировал всю рекламу и спорт. Ему они надоели и пару дней он хотел наслаждаться тишиной. Кто-то из его друзей как-то написал, что высшая ценность в мире трансгуманизма это тишина. Именно тишина стоит наиболее дорого. Как и покой.

«Вечный покой дороже всего», – криво усмехнулся Вик и шлепнулся в лежак.

Незнакомка

Вика потрянуло так, что завизжали все перегретые генераторы. Он понял, что это экстренный вызов. Последний раз это было когда на его любимый Гуанчжоу напали морские пираты на двух сотнях клиперах. Сейчас Вик спросони рассмотрел засветившийся нейрофон.

Нейрофон резко высветил лицо Ал Дуб Инна. Вик отметил то, что Ал Дуб Ин быстро транслировал мысли, но не решился говорить вслух.

– Послушай Вик, – выпалил Ал Дуб Ин, – дело такое. Моя... притащила здесь... Как тебе сказать... Подругу свою какую-то девку из молодых.

– А и что? – поинтересовался Вик, он еще не мог даже злиться.

Ал Дуб Ин нервно покрутил головой:

– Девка эта в больших долгах. Ее вроде ФРС ищет. В бегах она.

– Хм, – отозвался Вик, он понимал, что даже для подкаблучника Ал Дуб Инна такой экстренный звонок исключительное явление, – ты ведь знаешь, что ФРС половину населения ищет. Причем большую. Тем более молодых. Они все в диких долгах.

– Да, да, да, – быстро согласился Ал Дуб Ин нервно покусывая губы, – но здесь такое дело, моя ее притащила. А что

с ней делать она не знает. Вот мне она ее и перекинула. Говорит или пристроишь ее или уйду сразу.

– Так пусть идет, – резко сказал Вик, – на черта тебе две бабы сразу? Если ты с одной не можешь договориться? Или купи нормальный фалоблок и она успокоится.

– Все бы тебе шутить, – все так же нервно сказал Ал Дуб Ин оглядываясь кого-то, – дело такое. Окажи мне услугу. Я редко тебя прошу, но сейчас помоги.

– Да без проблем, – отозвался Вик, автоматически прикидывая, сколько денег он сможет ссудить Ал Дуб Инну, но дружище попросил практически невозможное.

– Возьми ее себе, – резко выпалил Ал Дуб Ин.

– Кого? – не понял Вик.

– Да девку эту, – нервно ответил Ал Дуб Ин, – она согласна. Она на все согласная, только бы ее ФРС не поймала.

– Да ты что? – изумился Вик, – на кой мне она? ФРС ее рано или поздно найдет. Скорее всего, рано. Может и сейчас ведет. Может они ее уже ведут и она на прицеле. Просто руки не доходят накрыть и упаковать. А как дойдут, приедут, упакуют и накажут. Что ей беготня эта даст? Только проценты вырастут. И штраф вырастет.

– Да, да, – согласился Ал Дуб Ин, – но выхода нет не у нее а у меня. Держит меня эта подруга за тестикулы. Так сжала, что глаза вылезли.

Вик весело засмеялся:

– Ты таблеток для потенции пережрал что-ли? У тебя мозг

заклинило? Успокойся ты, новую бабу найдешь. Хотя твоя девушка с длинным цифровым названием не так и плоха.

Неожиданно нейрофон резко мигнул. Вик понял, что собеседник включил защищенный канал, стоивший хороших денег и формально не доступный для взлома.

– Вик, дело такое, – Ал Дуб Ин наконец заговорил вслух, – девка эта в бегах и долгах, но денег у нее тьма. Херова туча денег скажу тебе. Поэтому и звоню. Она по ходу моей деньжат дала, вот моя меня и гробит. Ты подумай хорошо. Может и тебе перепадет. Я как понял, девка эта из молодых, но совсем не дурна.

– Нечего не понял, – ответил Вик, – если у нее денег много, то как она должна ФРС? Пусть отдаст и все тут.

– Вик, – взмолился Ал Дуб Ин, – да не знаю я и не хочу знать. Мне вообще работать надо. Я с этим новым романом из жизни сумчатых завис, а тут еще бабы эти. Пилят меня, то моя, то эта – вторая. Нет у меня времени ее проблемы разруливать. Было бы, сам бы с ней замутил, и деньжата эти не пропустил. Но нет времени и все.

– Ты мне, что заработать предлагаешь? – хмыкнул Вик.

– Да, что хочешь делай, – нервно сказал Ал Дуб Ин, – мне эти бабы уже так надоели, что не рад, что яйца не отрезал. Так еще агент пилит. Завтра говорит глава ему нужна, да и рейтинг мой падает. Выручи меня.

Вик глубоко вздохнул и покачал головой:

– Она в черном латексном костюме, с системой подавле-

ния Сети и парой лазерных пистолетов?

– Нет, – нервно скривился Ал Дуб Ин, – она в нормальном виде и тебе даже понравиться. Она не дура и не уродина. Ты подумай.

Неожиданно нейрофон мигнул и лицо Ал Дуб Инна исчезло. Без всяких ограничений и защищенных связей на Вик уставилось лицо женщины Ал Дуб Ин, имени которой Вик еще не запомнил. Она напористо сказала:

– Вик, что ты мнешься. Что вы вечные хуже молочных телок ломаетесь. Деньги тебе с бабой перепадут. И дружка выручишь своего. Давай время и деньги экономить. Шлю ее тебе. И не перечь. Она прелесть и нуждается в тепле и заботе. Чтобы тебе было понятно – даст она тебе. И денег даст.

Канал связи с жилищем Ал Дуб Инна погас. Вик посмотрел на нейрофон и автоматическим сменил пароли банковских счетов и код шкафа с оружием.

Он подумал, что эта подруга Ал Дуб Ин в силу своей глупости решила устроить и его жизнь. Решила свести свою свободную подругу и его. Обычная дура. Таких много и они стереотипны.

В принципе во всем этом не было ничего страшного. Обычная интрижка, вроде вояжа в серую зону для покупки левых гидроамфетаминов. Правда, такого у него не было, не было... наверное с года 2248. да тога было что-то похожее. А вот молодые это переживают чаще – уровень их социальной отвесности ниже и они постоянно ищут приклю-

чения на свою жопу.

Все эти размышления Вик были прерваны нежным голо-
сом робота – домоправителя:

– Ваша светлость, в наш дом кто-то звонит. Мне пусть
незнакомца?

Сегодня робот угадал настроение Вика и вел себя как ма-
жордом девятнадцатого века. А Вик этого как-то и не заме-
тил. Это развеселило Вик и он махнул рукой:

– Была не была! Пускай.

Минуты три спустя Вик не пожалел, что принял такое
опрометчивое решение. Перед ним стола высокая и изящ-
ная девушка, телоформа которой была, безусловно, автор-
ской работы, так продумана и гармонична она была. Прав-
да, Вик отметил, что кожа ее достаточно стандартного цвета,
но все остальное было вполне авторским. Работа была хоро-
шей, но в большей степени изящной, чем дорогой. Вик оце-
нил и это. Его даже не так заинтересовали изумрудные глаза
девушки, как изящная простота ее телоформы. Это обещало
достаточно высокий интеллект и значительную часть сохра-
нившихся личных воспоминаний. Ал Дуб Ин был человеком
не сократовского ума, но большой интуиции.

Гостя казалось прочитала его мысли:

– Давно, столетия два назад все женщины ориентирова-
лась на безвкусные формы из так называемых женских жур-
налов. Там были совершенно убогие естественные телофомы,
накаченные ядовитым силиконом и раскрашенные дешево-

ми красками. Тогда все стремились соответствовать этому убожеству и все женщины были одинаково унылы.

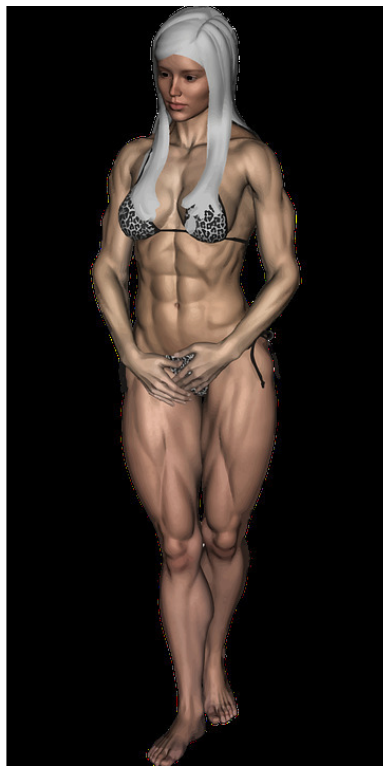
– Как и многие молодые, сейчас, – автоматически ответил Вик.

Гостья кивнула:

– Как и многие молодые сейчас. Но истинные ценители хотят только действительно уникальное. То, что может доставить не только сексуальное, но и эстетические наслаждение.

Вик рассмеялся.

– И возможно интеллектуально, – спокойно продолжила незнакомка, – когда-то беседа с женщиной ценилась выше сексуального акта с ней.

Вик покачал головой:

– Есть легенда о древней девушке Таис Афинской. Вроде, она брала за ночь цену равную цене боевого корабля. И брала

эти деньги за беседу.

– Так и должно быть, – спокойно ответила незнакомка, – девушка должна соответствовать мужчине во всем. А не быть куклой для сиюминутных страстей и потребления.

Вик еще раз осмотрел девушку. Она ему действительно понравилась. Он сказал:

– Достоинно. Но для молодого даже слишком критично. Не правда ли?

– Конечно, но я вела, – девушка запнулась, – веду программы для юношества.

– Программы для юношества? Программы для юношества? – удивленно переспросил Вик.

– Да, – ответила незнакомка, – это курс морали для нашей надежды – детей.

– А, – наконец понял Вик, – у тебя мораль и нравственность есть часть профессиональных навыков. Они не перешиваются и сохраняются.

Девушка как-то обреченно кивнула.

– ладно, что есть то есть. Я – Вик, – представился хозяин жилища, мысленно отдав приказ роботу-домохозяину принести кофе и пару рюмочек коньяку.

– Мари Сан Го, – ответила девушка.

Вик даже почесал голову – очень редко у молодых охранялось все три части имени. «Случай действительно интересный», – подумал он и предложил:

– Ставь сумку на пол, ее заберет робот. Я в нее не полезу.

К тому же на ней все равно пароль.

Мария Сан Го согласно кивнула, поставила сумку, которую немедленно забрал робот-домохозяин.

Вик опустился в лежак уже принявший форму огромного кресла девятнадцатого века и кивнул девушке на другой лежак. Девушка осталась стоять, и Вик быстро сказал ей:

– Извини. Вот лови коды к этому лежаку.

Девушка улыбнулась. Лежак, который она взяла под управление, постепенно принял форму изящного современного стула, который должен был подчеркнуть ее красивые ноги.

«Вот так, – подумал Вик, – мы постепенно капитулируем перед дамами. А потом ведем себя как Ал Дуб Ин».

Робот – домохозяин поставил поднос с кофе и коньяком, практически незаметно мигнул Вику и исчез.

– У тебя отлично настроенный робот, – сказала Мари.

Вик отмахнулся от дешевого комплемента.

– Нет, действительно, – сказала Мари, – он не ведет себя как лучший друг, бездушный механизм или домашняя собака. Он настроен, так как должен быть настроен домашний робот.

– Я тебе скажу больше, – ответил Вик, залпом выпив коньяк, – он настроен всегда по-разному – под мое настроение. Он очень пластичен в поведении. Я долго этого добивался.

– Тем более приятно, – ответила Мари. Она вылила коньяк в кофе, поставила рюмку и отпила из чашечки кофе.

Вик уже был благодарен, Ал Дуб Инну за эту встречу, но его мучил один вопрос:

– Слушай, а почему ты в бегах? Наш общий друг сказал, что ты должна ФРС, но денег у тебя тьма. Поэтому я ничего не понял.

Мари улыбнулась прекрасной улыбкой:

– Я никому ничего не должна. И денег у меня действительно много. Это и мои накопления и деньги родственников. Так они откупились от участия в моей судьбе.

– Ты из азиатов? – машинально спросил Вик.

– Да, если мы что-то понимаем в своем прошлом. Моими предками были вьетнамцы. Они и сейчас есть. Правда, их немного осталось.

– Ничего не понимаю, – потряс головой Вик, вот сейчас он понял, что Ал Дуб Ин или действительно не знал ничего или просто впарил ему эту девку, – почему тогда ты из молодых? Азиаты до последнего держаться за родовую память.

Мари Сан Го прикусила губу:

– Я сначала не хотела глубокого апгрейда. Но попала под специальную программу с хорошими скидками, авторской оболочкой. Грубо говоря, это была ошибка молодости. Родственники меня нашли, потом сами и просветили, хотя я уже и была из молодых. Я смогла понять многое, но родственники не смогли принять меня. Они дали мне много денег и предложили жить без них.

Вик опять почесал голову. Все складывалось, но чего-то

явно не хватало. Он решил не напрягаться и спросил прямо:
– Мари, чего я не знаю? Что ты скрываешь? Где эта шпилька, соединяющая все части головоломки? Я не хочу ничего думать или вытягивать из тебя скажи все сама.

Она улыбнулась:

– Фактически я диссидент.

– Что, – вскрикнул Вик, – ты! Что ты говоришь – то!

Мари спокойно посмотрела на него:

– Если твой робот привезет мою сумку, то мы можем выпить хорошей текилы и спокойно поговорить. У меня действительно хорошая текила, а не эрзац виски твоего друга Ал Дуб Инна. Мы спокойно выпьем и спокойно поговорим.

– Какое поговорить! Какое поговорить! – Вик рывком поднялся из кресла, – какой еще диссидент в моем доме! Мне эти ваши игры совсем ни к чему! Валика дорогая быстро на улицу! Хоть в Азию, хоть в Арктику!

– Ты не понял, – сказала Мари, – но это я не правильно сказала. Я не на учете и я не идейный борец. Я идейный беглец. Сорок лет я вела программы для юношества. А сейчас мне пришло извещение о апгрейде с последующим направлением в секретную службу.

– То есть? – пристально посмотрел на Мари Вик.

– После очередной модернизация я должна была перейти на работу в секретную службу, – спокойно ответила Мари.

Робот – домохозяин привез сумку Мари и подал ей. Она аккуратно достала из нее бутылку текилы и конверт. Конверт

она подала роботу, который перевез его Вику, после девушка отправила робота за стаканами.

Вик такого еще не видел. Это был официальный конверт «Азбуки», только с секретными кодами и дополнительным логотипом секретной службы. На серо-желтой бумаге с логотипом «Азбуки» занимавшим одну шестую внешней стороны было приписано стилизованно как от руки «Secret Service».

Да, «Азбука» имела такую службу, но попасть туда было возможно только после системы проверок длившейся десятилетиями. Любой, кто получил такое письмо, и направление в SS был бы рад всю свою жизнь. Работа в «Азбуке» сразу решала все проблемы. Никто не мог отказаться от такой службы. Никто, кроме учительницы сорок лет учившей морали и нравственности детей.

Вик недоуменно посмотрел на Мари:

– Поэтому тебя и ищут?

Она засмеялась. Вик уже понял и глупость своего вопроса, и причину страха Ал Дуб Инна.

– Но ведь тебя будут искать, – повторил Вик.

– Будут, – согласилась Мари, – но без фанатизма. Не будет ночных погонь, полетов разведдронов и рейдов спецназа. Просто будут искать по номеру. Будь добр включи нейрофон.

Вик повиновался. Мария Сан Го переключила канал. И перед ними возникло небольшое жилище. Оно было

скромным, но хорошо отделанным. Мебель соответствовала вкусам Мари и имитировала модерн начала двадцатого века. На полочке над лежаком Вик опознал несколько фаллоблотов.

Мари улыбнулась:

– Я очень традиционна. Никаких шипунов, сексроботов и виртуальных знакомств. Все только вживую.

Она перевела вид камеры:

– Смотрит, он скучает.

Вик увидел робота-домохозяина, который понуро стоял в углу комнаты. На его манипуляторе мигала зеленая лампочка выдававшая грусть.

– Видишь, – сказала Мари, – я ушла из дома семь дней назад, а в жилище еще никто не вломился. Не активно ищут. Даже если и найдут, то максимум, что назначат – пару лет псевдокомы, а потом переведут в новую телоформу. Но для меня это не так страшно, как всю жизнь служить в SS

Вик кивнул. Он посмотрел на дату, стоявшую на конверте. Мария должна была явиться на апгрейд четыре дня назад. Ее действительно, не особенно искала секретная служба «Азбуки».

Робот привез стаканы и оставался у Мари. Ему явно импонировала эта девушка, а он транслировал и формализовал мысли Вика. Мари ласково провела рукой по стали робота и посмотрела на хозяина жилища.

– Денег у меня действительно много, – рассмеялась Мари,

элегантно разливая текилу, – как сказали бы триста лет назад, на две жизни хватит.

– Хорошо, – кивнул Вик, он уже успокоился и опять вальяжно погрузился в лежак, который стал медленно массировать ему спину, – а что тебе от меня-то нужно? С деньгами ты устроишься везде, можешь и по планете поездить и в море пожить. Это не проблема. С деньгами в нашем мире ничего не проблема.

– Конечно, – Мари наполнила стаканы, и один из них урчавший робот привел Вику, – проблема «Азбука».

Вик громко захохотал:

– Вот ты молодец! Вот так сказала! Проблема «Азбука»! Так и есть! Причем у половины землян и уже три столетия! Проблема «Азбука». Всего – то «Азбука»! Давай ее расформируем или создадим новую! «Азбука»!

Вик так разошелся, что даже хлопнул себя по колену, ушиб руку и негромко ругнулся.

Мари вздохнула:

– Ал Дуб Ин сказал, что у тебя есть друзья со связями.

– Вот теперь мне понятно почему тебя Ал Дуб Ин сплавил. Но нет у меня никого знакомых в «Азбуке», – отрезал Вик, – они у тебя есть. Или могут быть. Или могли бы быть. Вот они.

Вик перебросил ей конверт с извещением.

Мари спокойно взяла конверт и положила в сумку. А потом негромко сказала:

– Меня интересуют программеры, которые могли бы пе-

решить части моей телоформы.

Вик свистнул:

– Ты действительно такая странная? Сейчас ты предлагаешь мне нарушить статей шесть – семь наших гуманных законов. И влезть в самое секретное и охраняемое – проги телоформ. Вот теперь понятно почему Ал Дуб Ин был так испуган. Если ты ему это сказала так же просто как мне, то он до сих пор страдает нервной диареей. Милая, ты проста как самая первая компьютерная игра в истории.

– Ты мне поможешь, – Мари спокойно посмотрела на Вика.

– Ты не понимаешь, о чем просишь, – покачал головой фрилансер, – если апгрейдить все по частям, то это дорого и долго. Нормально проги тебе никто не выведет, постоянно будут сбои и боль. У таких умников все болит постоянно. Рано или поздно ты опоздаешь с апгрейдом или устанешь это делать, впадешь в псевдокому и попадешь в «Азбуку» там тебя и апгрейдят по – полной. Фактически речь только о времени, котрое потребуется тебе, чтобы вернуться в «Азбуку».

– Хуже не будет, – сказала Мари, – я ничего не поиграю и ничего не потеряю.

– Ничего, – согласился Вик и отхлебнул текилы, – только тебя ждут годы, а то и десятилетия системных проблем, боли, жизни в подполье и работы черт знает где. Я даже не могу представить кому на сером или черном рынке нужна учительница морали.

Мария отвернулась к фону, за ним стоил ряд причудливых и прекрасных домов. Медленно пролетел дрон, то ли полицейский, то ли торговый. Она посмотрела на Вика стеклянными глазами:

– Но ведь так многие живут.

– Ну, скажем так, не многие, – быстро пояснил Вик, он уже все боле – мене понял ситуацию и успокоился, – есть те, кто апрейдиться в темную. И есть кто скрывается от ФРС. Но чтобы одновременно это совмещалось я никогда и не слышал. Впрочем, есть наверное такие. Но они вряд ли живут в городах, во всяком случае, не в первой сотне городов. Наверное, они где-нибудь в Африке, может в Евразии, но в не первом мире.

– Я должна их найти, – упрямо повторила Мари.

Робот домохозяин тихо уехал из комнаты – он не хотел попасть под нараставший гнев Вика.

– Конечно, если ты так решила, то у тебя просто нет иного выходы найти этих придурков. Иди и ищи, я тут при чем? – процедил Вик.

– Мне нужен проводник, чтобы хотя бы выйти на тех, кто знает тех, кто знает, где живут эти придурки как ты говоришь, – тихо ответила Мари.

Вик сделал вид, что не заметил слов Мари.

– Я понимаю, что общие фразу тебе не интересны, но у меня есть деньги.

Вик молчал, он думал, что теряет время, он начинал

злиться и на Ал Дуб Инна и на эту пустышку, которая решила поиграть в тяжелую жизнь.

– Вик, – тихо позвала Мари, он обернулся, – семьсот тысяч сразу и столько же когда я проведу апгрейд телоформы.

Его ударило током, даже первая часть суммы превышала раза в два его годовой гонорар, а дел-то всего – согласиться. Он хорошо понимал, что ничем не рискует – он не сам перешивал проги. К тому же пиратские проги хоть и дублировали проги «Азбуки», но были авторской работой. Нарушения авторского права здесь не было. А в «Азбуке» смотрели на такие случаи сквозь пальцы – всех пиратов не переловишь. А если вывести Мари на пиратов, то вообще можно будет хорошо отдохнуть.

Мари поняла, о чем он думает, ее тепличного чутья учительницы морали вполне хватило на понимание человеческой алчности.

– Деньги я переведу сразу, – тихо сказала она, – как только ты согласишься. На счет или на несколько счетов. Как ты захочешь. Возможно, сразу оплатить какие-нибудь твои счета.

Весело хрюкнув в комнату, въехал робот – домохозяин, он вез печенье, сок и крекеры – ему уже было понятно, какую выгодную сделку сейчас заключит хозяин.

Вик откинулся в лежаке, ставшем плетеным креслом-качалкой, удовлетворено осмотрел пальцы правой руки и бросил Мари:

– Ладно, предположим я согласен. Вернее согласен. Я

не буду торговаться за всю сумму. Но дело это не быстрое. Расходы тоже за твой счет, а расходов будет много. Поэтому тебе придется накинуть мне за рабочие часы, которые я потрачу с тобой. По средней таксе. Сегодня можно отдохнуть, а искать начнем завтра, сейчас я и так достаточно наволновался.

Мария радостно ударила в ладоши и восторженно посмотрела на Вика, тот был сосредоточен, но спокоен.

Робот подвез Мари сок и крекеры, а Вик включил нейрфон на полную стену и настроил на что-то очень милое и веселое.

Родной Гуачжоу

На следующее утро Вик спокойно проснулся, поднялся и подошел к фону. Голографические занавеси сами разъехались и за фоном предстал солнечный город. Фон высветил в углу время – «10.28».

Все как обычно. Вик потянулся, скрипнул суставами рук. Столовом блоке загремел посудой робот. Звон посуды был приятной опцией давно придуманной Виком. Он создавал уют.

Вошла Мари. Она не только приняла душ, не разбудив, Вика, что он отметил, но и успела сделать укладку.

– Ну, что – поинтересовался хозяин, – не передумала? Может, хватит творить ерунду и вернемся к своей текущей жизни?

– Нет, – очень холодно ответила Мари.

Вик сейчас понял, что Ал Дуб Ин не просто так встретился с ней – сначала именно он хотел срубить с нее немало денег. Но потом отступил. И ведь было почему.

– Полинезия, – негромко сказал Вик.

– Что? – не поняла Сари.

– Я о своем, улыбнулся Вик, – я понял, как одни милые люди хотели оплатить свою поездку в Полинезию. А еще я понял, почему они от этого отказались.

– Не понимаю о чем ты, – недоуменно посмотрела на него

Мари.

– Я ночью просканировал тебя, – спокойно и буднично сказал Вик.

– Ты подсматривал за мной?: – Мари даже закусила губу от негодования.

– Да ладно тебе, – засмеялся он, – мне ведь надо знать за что я получу семьсот тысяч сразу, но пока не получил ни одной.

– Я переведу деньги хоть сейчас, – быстро ответила она.

– Вик сел в кресло классического ампира. Из него было приятно и легко диктовать свою волю миру. Или по крайней мере этой милой девушке.

– Я заказал на завтрак тосты, сок, вареные яйца всмятку и фруктовое ассорти. Именно так я представляю завтрак учительницы морали.

– Правильно представляешь, – сказала Мари, она все еще делала вид, что злиться.

– Я еще посмотрел твою страницу. Прости сразу, – Вик хлопнул ладонями по ручкам кресла, отделанным слоновой костью, – но вчера я назвал цену не оценив объем работ.

– Я доплачу, – торопливо сказала Мари.

– Не в этом дело, – Вик уже ждал завтрак и был благодушен. Спину приятно массировало кресло, а рука не болела, – дело в том, что у нас проблема. Хьюстон у нас проблема.

– Что? – не поняла Мари.

– Хьюстон у нас проблема – это старая поговорка астро-

навтов, — пояснил Вик.

В комнату въехал робот — домоправитель, за собой он вез два столика на высоких стойках. Завтрак был аккуратно сервирован. Робот поклонился Мари, мигнул Вику и исчез. Разговор действительно предстоял серьезный.

— Наш общий друг, — сказал Вик хрустя тостом, — скотина Ал Дуб Ин хотел с тебя взять денег. Но.

Мари сидела, поджав ноги, она смотрела на Вика, но к завтраку не притронулась.

— Я думаю, ночью он сделал то же, что и я. Он просканировал тебя. Сделай он это сразу, то никогда бы не заговорил с тобой. Он осторожный. Хитрый и осторожный подкаблучник, который решил свозить свою бабенку в Полинезию.

— А что мешает быть тебе осторожным? — ответила Мари.

— Мне? — Вик разлил скорлупу яйца и, взяв ложечку, стал его есть. Робот подавал яйца всмятку в специальных шерстяных шапочках — чтобы не остывали. Наверное, в жилище Вика была викторианская неделя.

— Мне, — повторил Вик, — во — первых я не скотина. Во вторых ешь уже, впереди и так море работы.

Мари осторожно взяла дольку апельсина.

— Да, — настоящий он, — уже хотел обидеться Вик, — дело в том, что ночью ты открыла часть файлов. И я не верю, что это случайно. Ты знаешь, что с тобой происходит. Знаешь?

— Знаю, — четко ответила она, — я умираю.

— Ну не так категорично, — хмыкнул Вик и положил

выеденную скорлупу яйца на поднос, – сейчас никто уже не умирает.

– Предложение «Азбуки» для меня все равно, что смерть.

– Твое право, – Вик взял тост. Подумал, положил его и отпил сок.

– Чтобы не терять много времени, то скажу просто: самая нормальная часть твоего неплохого с виду тела функционирует на семьдесят шесть процентов. А все остальное куда хуже. Впрочем, так и должно быть, если ты делала одновременный апгрейд. И делала его давно. Ал Дуб Ин может с тобой бы и не связался, но его утянула новая мадам. Вот он и разрывался между медовым месяцем и без полутора миллионами. Я-то думал, он бабы этой боится, а он был между деньгами, ей и своей похотью. Зря я его в подкаблучники записал. Заря. Он бы тебя крутил, если бы не эта баба.

Мари успокоилась и стала есть.

– Но проблемы действительно большие. У тебя сейчас все болит? – участливо спросил Вик.

– Почти, – ответила Мари, – но не всегда. К тому же боль сливается в одну. Поэтому не так страшно.

– Глянь, – опять усмехнулся хозяин дома, – что же мораль делает с людьми. Ты из-за виртуальной морали терпишь боль как во время казни.

Вик опять рассмеялся:

– Ну как же хорошо вообще не иметь убеждений!

Робот привел свежие пирожки, и встал у стены, ожидая

похвалы.

– Ты старый подлиза и приспособленец, – закричал ему Вик, – жрать готовить ты умеешь, но трусость твоя предела не имеет. А вот к вам барышня у меня еще один вопрос. Посмотрев вашу страницу в сети, я не понял одного – как с жалования учительницы морали можно накопить миллионы. Вот у меня не получается.

Мари приветливо махнула рукой роботу, который сразу издал мурчащий звук и удостоился насмешливого взгляда Вика.

– Я, – сказала Мари, – пока не тратила деньги на криминальный апгрейд. И я жила согласно тому, чему учила детей. Поэтому денег хватает. Хватало. Подсчитай, во что тебе выходят бабы, алкоголь, гонки и ты поймешь, сколько ты действительно тратишь.

– Бабы? – переспросил Вик и надкусил еще горячий пирожок.

– Бабы, – хладнокровно ответила Мари, – женщины не меняют телоформы как платья, не спят из-за льготных кредитов и дешевого апгрейда. Женщины ценят себя.

– Однако, – покрутил головой Вик, – и как жить с такой как ты? Не даром я вас училок всегда избегал.

– Это твой выбор, – спокойно ответила Мари и толкнула столик к роботу, – какие у нас сейчас планы?

Вик пожал плечами.

– Начинать надо с обзора нейрофоона, – уверенно сказа-

ла она.

– Правда? – поразился Вик, – именно с этого и начнем. Ты действительно думаешь, что тебя объявили в розыск? Наверно по всем сетям только тебя и крутят.

– Почему ты так говоришь?

– Только потому, что от боли у тебя началась паранойя. Ты везде ищешь причину этой боли. Там, здесь, вот там и еще вот там. Весь мир против тебя.

– А ты злой, – недолго подумав, сказала она.

– Практичный, – отрезал Вик, – пока ты страдаешь, я придумал начало маршрута. Примерно представляю, куда нам надо стучаться. И с какими сволочами говорить. Тебе это не понравится. Они совсем не твои ученики и они не вшивый виртуальный педсовет. Но они могут тебе помочь, чтобы ты могла дотянуть до рассвета.

Мари схватила за виски.

– А что ты хотела милочка? – хмыкнул Вик, – ты сама выбрала путь страданий. Если тебе убеждения дороже жизни то получай. У тебя не только летят проги. А они летят у тебя как стаи птиц летят на юг. У тебя забиты генераторы, их емкость падает, они заряжаются все меньше и меньше. «Азбука» знает, как держать людей на крючке. И не надо думать, что с крючка так легко сорваться.

Мари ничего не ответила.

– Вот и хорошо, что ты согласна, – сказал Вик, – сначала мы сделаем пару звонков, но в сеть надолго выходить не бу-

дем.

Нейровизор зажегся в режиме разговора. Он высветил выскокую девицу, половина тела которой по прошлогодней моде была из белого блестящего металла. В углу зажглось ее имя – Т10Ш67Т

– О, Викуша, – иронично протянула она, – и чем я обязана?

– Дело есть.

– Да, кивнула девица, – твое дело простое или деньги или вагина. Что сейчас?

– Не то и не другое, – ответил Вик.

– Даааа, – еще более иронично сказала Т10Ш67Т, – ты меня заинтриговал.

Т10Ш67Т наконец заметила Мари и сказала:

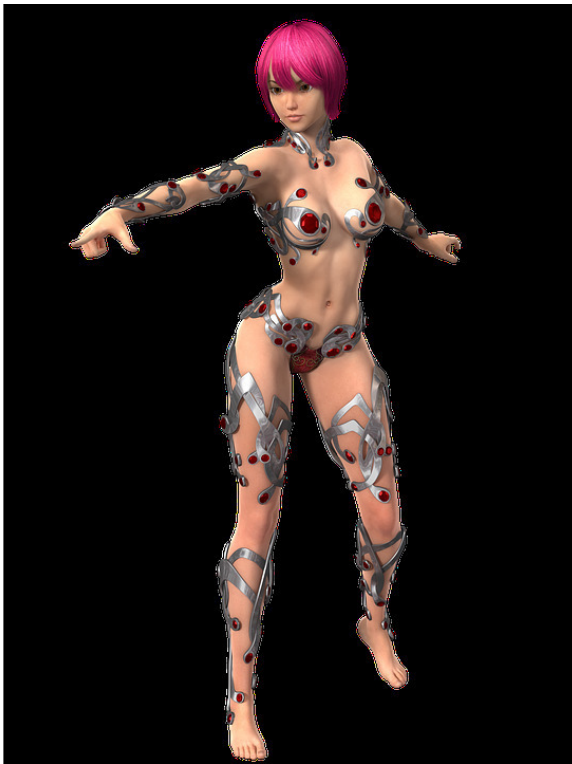
– Новая жопа Вик? Поздравляю.

Мари сильно потянула его за рукав:

– Это же молодая.

– Да, – согласился Вик, – такая молодая, что моложе не бывает. Она апрейдиться постоянно. Пока есть деньги.

– Сука, – ответила Вику Т10Ш67Т и сложила руки на груди, скрывая древность апгрейда, что было причиной незavidного материального положения.

– Незавидное материальное положение, – вслух сказал Вик и улыбнулся.

T10Ш67T оскалилась и выпалила:

– Шлюхе своей нотации будешь читать! Тебе, что надо?

Мари резко поднялась и изящно покачивая бедрами, ушла из комнаты.

– Поздравляю Викуша, – сказала Т10Ш67Т, – это винтаж. Очень стильно. Как ты любишь. Ты верен стилю.

– Я ее не люблю, – ответил Вик, – это партнер по бизнесу. Скажем так. Может ее и можно было бы использовать как женщину, но она училка морали.

Т10Ш67Т громко засмеялась:

– Училка морали? Вик, училка морали? Это вообще что такое? Это человек? Да?

– Ладно, – потер он виски, – дело не приятное. Но от тебя мне нужен не сарказм и издевательства.

– А что Викуша? – Т10Ш67Т отняла руки от груди и сбросила платье.

– Твоя нагота меня не сильно трогает, – хмыкнул он, – или обнаженность как тебе больше нравится?

– О, – протянула она, – узнаю знакомый вопрос. После него следует сексуальный акт. Примерно через три – семь минут. Ты дорогой держишь марку. Ты как коньяк, со временем ты становишься все более привлекателен.

– И желанен, – ответил Вик, – ты тоже держишь марку.

– И желанен, – подтвердила Т10Ш67Т. Визор уже показывал ее в полный рост.

– Может позвать твою училку? – поинтересовалась девушка.

– Не мою, не мою, – упрямо повторил Вик, – это только бизнес. У нас с ней моральные расхождения. Очень серьезные и думаю не преодолимые.

– Моральные, – откликнулась Т10Ш67Т и выставила вперед ногу, – она противник орального секса? Нет. Дай угадаю. Она обижается, когда после минета ты отказываешься целовать ее губы? Да?

Да, – Вик, откинулся в лежаке, – ты возвращаешь свою былую форму, – хотя апгрейды дают о себе знать. Реакция у тебя не такая быстрая. И стервозность наивная какая-то. Но дело не в этом.

– Конечно, – она повела плечами, – между мужчиной и женщиной дело всегда не в этом. Чем ты мне всегда нравился, ты всегда был сволочью. Не скотиной, не псевдобабником, а сволочью. Поэтому я всегда знала, что твой член до всех модернизаций был сантиметров за двадцать. Сволочи́зм не формируется, он или есть или его нет. Моя прекрасная сволочь.

– Ну, хорошо, – Вик покачал головой, – ты сказала все, что хотела. Ты хорошо потопталась на мне. И это поможет тебе поймать что-то серьезное. Но я занят.

– Ты последние шесть лет занят, – отмахнулась Т10Ш67Т и резко закинулась белым халатом.

– Лучше черным, – автоматически отметил Вик, – он будет оттенять серебряный металл твоего лица.

Т10Ш67Т мгновенно сменила цвет халата:

– Так лучше?

– Да, моя вечнозеленая шлюха.

– Это что значит?

– Вечнозеленая это определение вечной молодости, – пояснил Вик, – так говорили в двадцатом веке.

– Понятно, – кивнула она головой, – училка рассказала? Она же умная.

– Сам узнал. Но к делу. Мне нужен один милый человек. Зовут его. Бе Д Но.

– Во как? – изумилась Т10Ш67Т, – у тебя с ней действительно только бизнес. Иначе ты не стал, бы искать его.

Вик кивнул.

– Ладно, – поежилась Т10Ш67Т, – я его видела очень давно. Но знаю, где он живет. И представляю, что делает. Но ведь он есть в сети?

– Есть, – согласился Вик, – но он не ответит. Сама знаешь. А вот если ты ему мило намекнешь на небольшую премию по результатам нашего с ним собеседования. То тогда результаты будут иными.

Т10Ш67Т согласно кивнула:

– Деньги и вагина. Вам больше ничего не нужно. Козлы и сволочи.

– Думай, как хочешь. Тебе деньги не предлагаю. Ты же шлюха, а не проститутка.

– Да, – рассмеялась Т10Ш67Т, – я долги через жопу не раздаю. Но не буду тебя отвлекать от училки. Как узнаю о Бе Д Но то сразу обзвонюсь.

Т10Ш67Т исчезла с нейрофона.

– Она не обиделась, – громко сказала от входа в комнату

Мари.

Вик пригасил нейрофон:

– Ты утверждаешь или спрашиваешь?

– Утверждаю, – ответила она, прошла к лежаку, стоявшему напротив Вика и села на него.

– Ваши женские разборки меня не касаются.

– Девушка в разговоре была только одна, – упрямо сказала Мари.

– Да, да, да. Давай ты успокоишься? Нам еще целый день работать ногами. Только день начался, а вы мне уже мозг едите. Знаешь, что – лучше не мешай мне сейчас. Сейчас только деловые разговоры.

– Ладно, – ответила она.

– Тебе наверное, – лучше не сидеть здесь. Она скоро позвонит.

Мари резко поднялась и вышла. Вик чертыхнулся и покачал головой.

Т10Ш67Т позвонила быстро, она предусмотрительно не стала выводить видеорежим:

– Вик, адрес кинула тебе.

– Спасибо дорогая, – поблагодарил ее Вик.

Т10Ш67Т помолчала и резко сказала:

– Одна просьба, отдери этого придурка Вик.

Вик хотел, что-нибудь ответить, но Т10Ш67Т отключилась.

– Теперь второй звонок, – сказал Вик, – но это куда проще. Там нет женщины. Просто небольшой разговор и все. Ты главное не пугайся.

Вик сосредоточился и на нейрофоне появился высокий полицейский в полной полевой форме и с роскошными усами. Этот субъект явно гордился собой, формой, личным оружием и персональным апгрейдом.

– О, Бе Д Но, – сказал Вик, – ты так же не отразим.

– Звонок целиком за твой счет, – быстро ответил полицейский.

– Конечно, конечно, иначе и быть не может, – рассмеялся Вик, – а звонок я уже оплатил. Можешь спокойно говорить. Как угодно долго.

– Ты говори.

– Рационально, – согласился Вик, – мне нужен наш общий знакомый. Зовут его Ван. Ты его же знаешь?

Полицейский дернул щекой:

– Ты лучше не придумал, как такое спросить по нейрофону? Совсем уже с ума сошел? Еще бы запросил через участок послал. Всем об этом расскажи, кого ты ищешь.

– Да, ладно тебе.

– Что ладно, – полицейский снял фуражку и протер лоб, – ты же знаешь я не радикал и даже не совсем вечный. Мне ваши игры не нужны.

– Да, да. Если у тебя будут трудности то, я всегда скажу, что ты всегда не причем. Это все я спровоцировал.

– Я надеюсь, ты понимаешь, что все эти твои колкости пойдут за отдельную плату?

– А жопу покажешь? – резко спросил Вик, – за деньги конечно?

Бе Д Но одел фуражку и металлическим голосом сказал:

– То, что ты хочешь это не по телефону. Я тебе сбросил адрес и сумму. Жду сегодня до двадцати. И думаю, ты не опоздаешь. Это в твоих интересах.

– До встречи дорогой, – рассмеялся Вик в уже погасший нейрофон.

– Зачем ты так? – спросила Мари.

– Он обычный нищий полицейский с диким пафосом. Думаю его сегодня на службе уже пару раз отсношали. Его ценность для Земли в том, что он знает, где живут многие плохие люди. Или хорошие люди. Как посмотреть. С какой точки зрения их оценить. А что до этого гуся, я только сэкономил тебе немного денег. Если Бе Д Но заплатить то он сейчас бы примчался сюда и принес бы адрес в зубах. Но я съезжу к нему сам.

– Я ценю это, – ответила Мари.

– А вот и хорошо, – Вик потер руки, – все складывается хорошо и быстро. Осталось одеться и посетить заклятого друга Бе.

Но Вик не стал спешить. Он походил по блоку. Обсудил что-то с роботом-домохозяином. Наконец Вик оделся. Он натянул малинового цвета шорты, черную накидку, а после

совета работа-домохозяина остановился на зеленых биоботинках.

– Я с тобой, – неожиданно заявила Мари.

– Зачем? – автоматически ответил Вик, – я только съезжу на пару часов и все. Тебе безопаснее сидеть здесь.

– Я не хочу, – резко ответила она, – я хочу видеть, что происходит.

– Ты и так видишь, – спокойно ответил Вик, – если тебя начнет клинить то лучше, если это произойдет дома, а не на улице.

– Это моя жизнь, – упрямо повторила Мари, – это моя жизнь.

– У тебя просто навязчивое состояние от постоянной боли, – спокойно пояснил Вик, – здесь тебе безопаснее. У тебя будет время спокойно отдохнуть.

– Нет, – покачала в ответ головой Мари, – мы должны ехать вместе.

– Зачем? – не понял Вик, – зачем тебе светиться перед полицией? Сиди у меня я скоро вернусь.

– Я поеду с тобой, – убежденно ответила она.

Вик у это надоело и он устало согласился:

– Хорошо, но когда мы поедем на мобиле, то бы цепляйся за мою шею и поджимай ноги.

– Зачем? – не поняла Мари.

– Попробуем так обмануть мобиль, они берут плату за массу объекта и число посадочных мест. А у тебя нет уни-

версальной карты. Уже нет. А так возят пьяных девок, без документов. Это старая штука. Думаю, она входит в плату мобильных, как некая бонусная опция, чтобы развозить пьяных. Я такой давно не пользовался, наверное, она сейчас проканает.

– Вот как странно, – оторопело сказал Вик.

Мобиль привез их по адресу данному Бе. Это оказалась серая зона в городе. Угрюмые жилые блоки, которые были разгромлены еще в Великую Информационную войну. Блок в котором должен жил Бе был стандартным жилищем двухсотлетней давности. В нем и тогда не жили приличные люди, а теперь и подавно. В центре блока зияла дыра от попадания тяжелого снаряда. На стене виднелась надпись «трасгуманизм – говно», ее методично закрашивал муниципальный дрон. Людей на улице видно не было. Торговые дроны над головами не летали – место было гиблое.

– Странно, – повторил Вик и посмотрел на Мари, которая растерянно осматривала окружающие дома, – очень странно, что такой петухан как Бе залез сюда. Но деваться нам некуда – пошли.

Но Бе не обманул. Он действительно жил в этом разбитом доме. Полицейский сидел в драной майке в крошечной комнатке без кондиционера. В комнате не было даже фона – его заменяло обычное окно.

– Что, – скривился из-за стола Бе, рассматривая Вика сто-

ящего в двери, – радоваться пришел?

– Да сдался ты мне, – отрезал Вик.

– А вот видишь, как я обосрался, – засмеялся Бе, – да это я. А вот нейронет за счет заведения. У меня ничего не осталось. Я просрал все! Все деньжата, что нарезал с таким трудом! Те деньги, что копил, копил и копил. Все посадил на тотализаторе. Хотя ставил по очень верным наводкам! А моя прекрасная контора перевела меня в патрульные полицейские. За все мои труды! В благодарность. Теперь вот сижу и смотрю на улицы. Если дам команду дрону раньше, чем программа то премию платят, а если опоздаю, то штрафуют. Да, Вик. А форма моя только как опция в визоре осталась. Но это, чтобы не ронять имидж полиции. На меня им насрать.

Вик не ответил, его воротило от вони, стоявшей в комнате.

– Деньги принес, – резко спросил Бе, – я электронными не беру. Мне они не нужны. Их контора сразу себе спишет. За долги спишет. А должен я им лет на шестьсот вперед. Это если штрафов не будет.

– Есть у меня и наличка, – тихо сказал Вик.

– Тогда плати через обычный терминал она внизу визора, – хмуро сказал Бе, – с тебя две тысячи.

Вик подошел к старому визору который показывал панораму улиц города. Он поднес палец с идентификационным чипом к терминалу и перевел Бе деньги.

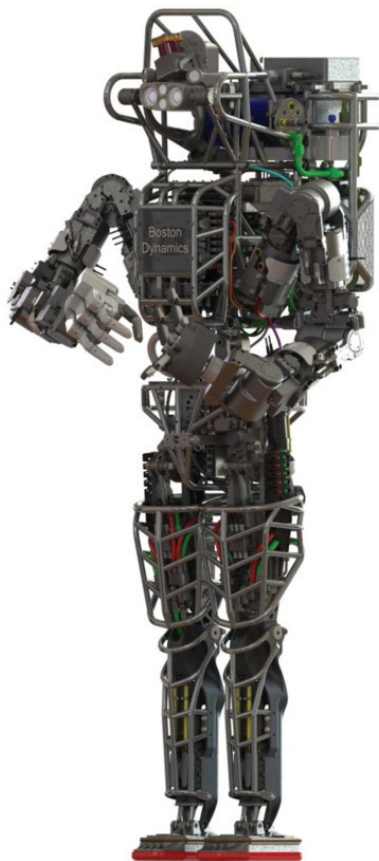
– Ага, пришли, – проскрипел, Бе смотря на свой телебраслет, – вот смотри и запоминай.

Вик взял небольшой захватанный жирными руками полицейского планшет и рассмотрел адрес.

– Там адрес, – пояснил Бе, – но главное запомни пароль. Иначе Ван не откроет. А пароль действует четыре секунды. А потом успел – не успел и куку. Все закрывается дверь. И ты навсегда на улице. Пароль работает для одного человека один раз.

– Слушай, – наконец сообразил Вик, – это же адрес в Харовске?

– Да и что, – хмыкнул Бе и почесал грязную грудь, – он давно туда перебрался. С концами как он мне сказал. А Харовск это два часа на планере или двенадцать на мобиле. Ван решил оставить нас и жить своей жизнью.

Вик покачал головой:

– Ты был у него?

– Нет, – Бе отмахнулся, – у меня же служба. Сам видишь.

Вик тяжело вздохнул и посмотрел на Мари.

– Да рядом этом, – нетерпеливо сказал Бе, – я между прочим на посту. При исполнении. Может попрощаемся?

– Как тебе угодно будет, – ответил Вик, – у тебя же служба. Неожиданно Бе закричал как резанный:

– Ненавижу вас! Вы каста подонков. Фриланс ваш гребанный! Вы не ходите на работу! Не ходите на службу. Вы делаете то, что хотите и как хотите. Вы собрали этот мир, когда уже не осталось ничего! И вы во всем этом виноваты! Каждый из тех проходит анонимное голосование и набивает себе переплетенные «НФ» становиться выше любого офицера полиции! Любого! Самого честного и заслуженного! Стоит заметить эту проклятую татуировку и сразу сканер показывает – не трогай его или иначе завтра будешь пасти лангустов! Вы и есть мрази втоптавшие меня в говно!

– Ты немного превратно описываешь фриланс, – спокойно ответил полицейскому Вик, – не все так радужно. Большая часть работы это никому не нужный хлам. К тому же сеть дает такую характеристики касты, как ее закрытость. Но мы-то открыты всем. И всем рады. Бросай свою убогую полицию с ее тестами на алкоголь и наркотики и живи свободно.

– Ну, ты и мразь! – Бе скосился на экран визора и крикнул, – второй сектор седьмого квадранта нарушение общественного порядка!

Вик засмеялся:

– Нельзя же всю жизнь кормиться объедками ФРС! Стать

свободным!

– Вали отсюда! – выкрикнул в ответ Бе, – я тебе больше ничего не должен! Уползай со своей телкой! Я на службе! На службе! Посмеялся и хватил! Шоу законченно!

– Почему его не переформатируют? – тихо спросила Мари, когда они оказались на улице. Дрон уже закрасил непотребную надпись на доме, наклеил красочную рекламу спонсора покраски и улетел.

– Им это выгодно, – ответил Вик, пытаясь вызвать мобиль, – в полиции так заведено. На всех сотрудников надо завести дела, и на них нужен крючок. Полицейский должен быть на прицеле своего ведомства, иначе неизвестно, что он может отколоть. Даже мыслить может начать. Предстать думающего полицейского. Думающего за пределами стандартных протоколов?

– Тогда проще его перешить?

– Э, нет, – Вик покачал головой, – молодых в полиции не жалуют. Молодые это нравственное падение, личностная пустота и весь набор гадостей и проблем маргиналов. Полицейских если и формируют, то очень осторожно. И как правило меняют именно служебные блоки. К тому же у молодого нет опасности быть перешитым. Ему все равно. Пришел на службу и пристрелил пару коллег. А в наказание апгрейд. А «Азбуке» траты. А если так постоянно?

– Но зачем им такой нравственный урод?

– Именно нравственный урод им и нужен, – Вик, наконец постучался до мобиля, – сейчас Бе, такой несчастный и убогий сидит в духоте и вони. И нет у него ничего. Тем теснее он связан с ведомством. В любой момент его можно взять и обратно повесить. Хотя начальником отдела сделать. И он будет помнить, кому всем обязан и кто его в дерьмо обратно опустит. Просто так спустит, для профилактики. Он же понял, что тотализатор это часть всей системы. Поэтому служить будет лучше нового робота-домохозяина. И не будет такого приказа, который он не выполнит. Бе понял, что не просто так разбогател и не просто так обеднел. Что для этого есть причина и эту причину он ищет. Хотя думаю, его просто так разорили, чтобы не зазнавался. Но он-то считает, что это потому, что он где-то оступился. Где-то подвел контору. Поэтому больше, никогда он не задумается о том, что хорошо, а что и плохо. Никогда. Вот поэтому он идеальный сотрудник полиции. Они его воспитали, вырастили и форматировать его нельзя. Он венец системы.

– А что он тебе передал? – поинтересовалась Мари.

– Так пустяк, – ухмыльнулся Вик, – адрес Вана. Ты и сама это слышала.

– А кто этот Ван?

– Очередной поддонок и не более того. Кем он еще может быть?

– Тогда почему он нам так нужен?

– У, у, у. у. – протянул Вик, – Ван не утратил две вещи –

жадность и свое мастерство программиста.

– Мастерство? Ты сказал мастерство?

– Да, – хрипло и недовольно согласился Вик, – именно мастерство. Именно его Ван решил спрятать от всех любопытных и желающих. Он понял, что рано или поздно «Азбука» доберется до него. Он был слишком ценным и слишком опасным для «Азбуки». Взять его и таких как он под контроль было одной из важнейших задач «Азбуки».

– И что им помешало? – нетерпеливо спросила Мари.

– Ничего. Рано или поздно «Азбука» грохнула бы его. Так никогда не отказывались от своих намерений. Но здесь началась гражданская война. Та, что вспыхнула сразу за Великой Информационной. А пока кибервойска мочили повстанцев, а повстанцы взрывали информационные бомбы везде где можно, большая часть вменяемых фрилансеров, из тех, кто не принял ни одну из сторон, решила свои личные проблемы. Тогда-то Ван окончательно лег на дно. Он тоже немного повоевал, но без фанатизма. Он не фанатик. Он бизнесмен. Деловой человек. Правда, он получил доступ к некоторым базовым прогам «Азбуки» и смог латать проги биопротезов. Это открыло ему возможность сборки и разборки телоформ.

– Ты хочешь сказать, – спросила Мари, – Ван дизайнер? Ван дизайнер телоформ?

– Нет, – спокойно ответил Вик, – он ничего не создает. Но может отсоединить руку или ногу, приделать новую. И заставить их работать. Это сделало его состоятельным челове-

ком.

– Но ведь это запрещено.

– Формально. Очень формально, – Вик внимательно посмотрел на Мари, – формально и проги для протезов нельзя перешивать. Но некоторые граждане не против были тесной связи с «Азбукой». Отчасти это создает конкуренцию.

Бе посмотрел как Вик и Мари вышли из его дома. Потом переключился на закрытый канал связи:

– Вторая контрольная точка пройдена.

– Как оцениваешь ситуацию?

– Пока все хорошо, – полицейский потер переносицу, – думаю межличностный контакт развивается.

– Рыба клюнула? – отозвался веселый голос.

– Клюнула, – охотно подтвердил Бе.

– Ну и хорошо.

Бе кашлянул.

– Что, – поинтересовался голос из визора, – ждешь компонентов?

Бе не ответил.

– Ты был хорошо, – сказал собеседник, – хорошо исполнил роль неудачника. Со стороны понятно почему ты решил пойти на правонарушение. Думаю это баллов девяносто пять по шкале «верю – не верю».

Бе осмотрел ужасную комнату:

– Теперь я могу привести все в порядок и помыться?

– Конечно, а ты собрался остаться в этом хлеву? – отозвался собеседник.

– Нет, конечно, – Бе хмыкнул, – я думаю привести себя в норму. Я пропитался этим камуфляжем. Наверное, вонища из меня еще месяц не выйдет.

– Хорошо. Делай, что хочешь и ни в чем себе не отказывай. Прием.

– Прием, – Бе выключил нейрофон и потянулся.

– Ну вот, – Вик заходя в свое жилище, – на сегодня, пожалуй, все. От позывов социальной коммуникации я без сил, – заказывай, что хочешь мне в принципе все равно. Главное не включай нейронет. Он мне надоел.

– Это привилегия не смотреть нейронет? – спросила Мари.

– Привилегия? – вскинул брови Вик.

– Да, я думаю это такая привилегия. Вы можете его не смотреть.

– Вы?

– Вы, – пояснила Мари, – фриланс. Для вас это привилегия не смотреть нейронет. Не листать его за рейтинг и бонусы.

Вик хмыкнул:

– Дорогая, это не привилегия. Это необходимость. Если я буду смотреть всю эту ерунду, то начну повторять ее. А значит, упадет качество моих роликов. Значит падение рекла-

мы и доходов от нее. Тоже произойдет по всей системе. Поэтому тем, кто делает ролики, можно не жрать это дерьмо. Вот и все. Все просто.

– Интересно, – улыбнулась она.

– Да, – оскалился Вик, – но ходят слухи, что ФРС и «Азбука» постоянно спорят, чтобы убрать эту привилегию.

– А почему не убирают?

– Это же просто, – деньги.

– И только? – засмеялась Мари.

– Ну, еще нужны свежие мозги. Хорошие такие качественные. На всякий случай.

– А правда, – продолжила она спустя минуту, – что просмотр нейронета связан с личным рейтингом?

– То есть? – внимательно посмотрел на не Вик.

– То и есть, – пояснила она, – если личный рейтинг на уровне плинтуса, то надо наматывать рейтинг и постоянно смотреть нейронет. А когда рейтинг растет, то время просмотра можно снизить.

– Логика в этом есть, – почесал нос Вик, – но не думаю, что это где-то прописано. Наверное, все более мягко. Рейтинг падает, падает предложение хорошей работы. Поэтому молодым и нищим, надо постоянно пастись в нейронете. Тогда идет накрутка рейтинга и рост бонусов. Но к творчеству это не имеет никакого значения.

– А если поехать на подземную плантацию, – настаивала она.

– Что там такого интересно, – покачал головой Вик.

– Там рейтинг не нужен.

– Да. Это так. И объявлений о работе там много. Это верно. Но ты много знаешь тех, кто работал на подводной плантации или подземном заводе?

– Никого, – недолго подумав, ответила Мари.

– Вот и я никого не знаю. Думаю, что все давно роботизировано. А этот какая-то замануха. Простейшая проверка для дураков. Кто-то на нее клюет. Простому человеку деньги вообще не нужны. Ни в каком виде. Практически, всех кого знаю из молодых, все по уши в долгах. Но кредитный рейтинг поддержать не сложно. Он собственно тоже не особенно нужен. Он влияет только на то получаешь ты кредиты больше по объему по высокой процентной ставке или меньшего объема, но по низкой ставке. Да и кредитный менеджеров тьма. Где-то всегда можно перекредитоваться.

– А потом? – поинтересовалась она.

– Потом? Что потом? – пожал плечами Вик, – пока люди помирали в биологическом смысле слова, надо было пережить кредиторов. Сейчас иногда списывают часть кредитов. Есть и процедура банкротства. А иногда...

Он замолчал.

– Ты что? – толкнула Мари его в бок.

– А иногда, – Вик посмотрел в глаза, – люди действительно исчезают. Но таких я помню совсем мало. И последние исчезли очень давно.

– Может, нашли выход?

– Какой выход? Окончательную смерть? Уничтожение матриц нейрорефлекции? – удивился Вик.

– Например.

Сказав это, Мари внимательно смотрелась в лицо мужчины. Но Вик спокойно покачал головой:

– Не думаю, что это возможно. Биодатчики работаю хорошо. Как и центры регенерации. Смерть в наше время это экстремальный туризм. И надо постараться, что бы твои истинные мотивы не всплыли, и ты не попал под полный апгрейд. В любом случае такая попытка это психологическое кондиционирование, а оно покажет все.

– Но можно взломать хранилище базы ДНК – репликации?

– Как? – засмеялся Вик, – их охраняют как высшую тайну Вселенной. Это истинный ключ современной власти. Я тебе больше скажу, даже мысли любого о таком приведут к немедленному апгрейду. И поэтому предлагаю тебе больше об этом не только не говорить, но и не думать.

– Не думать? – переспросила Мари.

– Да, – ответил Вик, – никогда больше. Даже то, что ты решила сделать сейчас попадает под десяток статей уголовного закона, а то о чем ты думаешь это страшный криминал.

– Как скажешь, – резко ответила Мари, – тебе виднее.

Вик развел руками:

– Я занимаюсь этим очень давно. Поэтому виднее.

– Может и так, – Мари сжала кулаки, – а возможно прав этот несчастный бомжующий полицейский и вы лишь шайка самовлюбленных социопатов.

Вик оторопело посмотрел на нее:

– Наверное, надо немедленно сделать сканирование. Возможно процесс распада твоей программной базы идет быстрее чем я думал. У тебя явно запускается архаическая память.

– Что?! – выкрикнула Мари, – Что запускается?

– Архаическая память, – тихо сказал Вик, понимая, что она его не будет слушать, – при распаде управляющий блоков нейронный сети обнажают нашу древнюю память. Ты стала говорить как архаичный человек. Ты используешь устаревшие слова. Надо провести сканирование.

– Себе проводи, – холодно ответила Мари и вышла из комнаты.

– Дверью хлопнуть не забудь, – рассеялся ей вслед Вик.

– Поддонок, – четко ответила девушка.

– Это есть, – пробурчал Вик.

Левитирующий лежак подлетел к хозяину. Вик шлепнулся в большую кучу сена. Она охватила его.

Робот – домохозяин подъехал и мигнул зеленой лампой.

– Ты, прав, мой стальной переразвитый пылесос, – ухмыльнулся Вик, – она доставит нам много проблем.

Робот мигнул еще раз.

– Думаешь это она специально? – покачал головой Вик.

Робот мигнул.

– Исключать нельзя, – согласился Вик, – но ты прав и в то, что это мне нравится. Винтаж никогда не выйдет из моды. Никакая эволюционная логика молодых его не заменит.

Робот помигал зеленой лампой.

– Мириться? – изумился Вик, – нет, дорогой она сама придет. Вот увидишь. В любом из тех вариантов, что ты прописал она придет сама. И скоро. Нам ведь надо проверить, что происходит.

Действительно через несколько минут Мари появилась на пороге комнаты.

– Ты получил, что хотел? – резко спросила она.

Вик расслабленно помахал ей ногой:

– Дорогая, мы могли бы злить друг друга и дальше, но тебе действительно больно. К тому же ты не знаешь о чем говоришь. Все е так просто как представил Бе. Многие хотели вырваться из – под пресса государства и стать вольными стрелками. Заманчиво было выйти за рамки системы, а может быть и самому решать свою жизнь. Но удалось это единицам.

– Это же так сложно, – съязвила девушка, – парить людям мозги.

– Наверное, – улыбнулся Вик, – изначально вольные стрелки делились на три части. Первые были молодыми и наивными. Они приходили привлеченные образом иной жизни, но быстро сдувались и уходили. Вторые были талантлив-

вы и энергичны. Они быстро достигали успеха, делали хорошие деньги. Такие вешали дома древние или сделанные под древние луки и арбалеты, ходили дома в зеленых одеждах вольных стрелков. Но и их быстро ждал конец – они рано или поздно интегрировались в государственную систему, поступая на службу в ФРС или «Азбуку». Такие быстро забывали старое, начинали верить только деньгам и бонусам. Во фрилансе держались только те, кто ценил не конфетную оболочку воли, а ее суть. Те кто отрицал жизнь, а не обязанности, дело, а не работу. Таких было меньшинство, их боялись, ненавидели и преследовали, но обойтись без них было невозможно. Именно на этой необходимости и держалось это небольшое объединенное Сетью племя.

– Как загадочно, – все еще недоверчиво сказала девушка, – наверное, такие истории нравятся дешевым шлюшкам?

– И дорогим, – отпарировал Вик, – а все началось с гражданской войны. Тогда то и оказалось, что креативщики ФРС не могут справиться с информационными террористами. Поэтому, им и пришлось нанимать вольных стрелков, чтобы громить террористов. Даже некоторые направления внутренней политики ФРС отдала на аутсорсинг фрилансерам. Но это стало и началом конца. Когда враг был разгромлен, побеги сорного растения уничтожены, то власть взялась за своих недавних союзников.

– Всех вас бы давно переловили, – убежденно ответила Мари.

– Если бы смогли.

– Если бы хотели.

– Нет. Не все так просто, – пояснил Вик, – в государственной системе много темных и черных зон. Эти зоны нужны только для того, чтобы весь государственный аппарат крутился. Это своеобразное масло, как в древнем двигатели внутреннего сгорания. Без этого масла двигатель мог работать, но все хуже и хуже. Рано и поздно он начинал сбоить и умирал. Так и с нашей государственной машиной.

– Выглядит на словах красиво, – едко сказала Мари, – но нигде не написано про все это.

– Конечно, ведь это штучный товар, но когда надо все приличные организации и люди обращаются к нам. Вот и ты пришла. Потребовалось пойти против желания власти, ты и стала искать тех, кто способен идти против потока и осторожно не переступая через закон сделать дело.

Мари промолчала.

– Вот видишь, – Вик принял с подноса принесенного роботом чашку с кофе, – прими небольшую дозу обезболивающего. Потом мы поговорим спокойно.

Робот завершал и поехал к Мари. На вытянутом подносе лежал диск сантиметр в диаметре и несколько миллиметров толщиной.

– Я ничего не возьму, – отвернулась Мари.

– В этом нет ничего страшного, – улыбнулся Вик, – тем более для человека, решившего на криминальный апгрейд.

Это всего на всего информационное обезболивающее. Есть такой метод, основанный на древних методах РЭБ.

– Что, – переспросила Мари. Ее лицо было искажено гримасой боли.

Вик засмеялся:

– А как ты думаешь, мы выживаем? РЭБ – это радиоэлектронная борьба. Система подавления информационных систем, применявшаяся в древности.

Мари непонимающе смотрела на Вика. Но у того было хорошее настроение. Лежак, отыгрывая самодовольство хозяйина, сделал поворот вокруг своей оси, а потом поднес Вика к арии.

– Не грузи свой мозг милая, – улыбнулся Вик, – просто вставь эту штуку в уху. И все. На какое-то время она подавит центр боли.

– Это незаконно? Да? – спросила Мари, рассматривая диск, лежавший на подносе.

– Не больше чем наши легкие наркотики. Для самовлюбленных подонков, как говоришь ты, это способ дотянуть до апгрейда. Пользуйся не бойсь. Не убьет.

Вик засмеялся.

Робот – домохозяин несколько раз мигнул Мари.

Наконец она взяла диск с подноса, осмотрела и вложила в уху. Через несколько секунд лицо женщины разгладилось.

– Так быстро, – сказала она.

– Быстро, – ответил Вик, – но недолго. Твои центры бо-

ли меняют частоту передачи импульсов в мозг. Имплант будет постоянно сканировать их и глушить. Могут быть скачки боли при смене частот. Но эта штука не всемогуща. Иначе никто бы не делал апгрейдов.

К Мари подъехал второй лежак. Он был в форме небольшого кресла с высокой спинкой.

– Только после такой боли можешь оценить ее отсутствие, – тихо произнесла она.

Вик развел руками из своего стога сена:

– Эта боль великий дар нашей системы. Хотя в современном мире главное не блокада электросетей или управление нейронетом. Главное – контроль на медиаобразами. Тем не мене нас надо иногда подстегивать такими стимулами.

– Я не думаю, что это главное, – спокойно ответила Мари, – ты слишком упрощаешь. Все упрощаешь.

– Ты можешь рассуждать рационально, – сказал Вик, – значит все действительно не плохо.

– Мне еще раз поблагодарить тебя?

– Не стоит.

– Не буду.

– Главное, что имплант какое-то время проработает, – Вик потер переносицу, – и я надеюсь за это время дотащить тебя до Вана. Он хороший специалист по железу. Такой же, как я по ммедиаобразам. Ван перешьет все твои проги так же красиво как это первоначально сделала «Азбука».

– Это хорошо, – согласилась Мари, она явно разговарива-

ла с роботом – домохозяином по закрытому беспроводному каналу, – но это не главное.

– И что главное? – спросил Вик, – что ты понимаешь в этой жизни? Ты выросла в теплице в ней жила. А потом тебе неожиданно захотелось приключений. И ты их нашла на свою жопу! Ты думаешь, что я волшебник? И что за свои деньги ты купишь все?

– Нет, – рассмеялась Мари, – вот в это я не верю! Но есть нечто большее, чем наше биологическое существование.

– Не надо было так тщательно настраивать имплант, – процедил Вик, – я опять страдаю из-за своей доброты.

– Доброты, – улыбнулась Мари, – скорее из-за перфекционизма.

– Называй, как хочешь. Но сохранить тебе немного боли бы не помешало.

– Меньше бы умничала? – спросила она.

Вик кивнул.

– Но это тоже не изменило бы сути, – спокойно ответила Мари, – по крайней мере я верю.

– Во что? В силу чистого слова? – тяжело вздохнул Вик, – в то, что мораль победит?

– Я понимаю, что это наивно. Но я сравниваю свою работу с поливом сухой палки воткнутой в землю. Если ее долго поливать, то может вырасти дерево. Оно даст листья и плоды. Пусть на это уйдут годы. Но результат будет.

– Это глупость, – рассмеялся Вик, – это наивная глупость.

Вся твоя работа это часы, которые надо занять на воспитание юных болванок, которые только и ждут, как превратиться в молодежь и менять телоформы. Постоянно покупать и покупать новые телоформы. Расти в рейтинге в нейронете. Твои ученики перегрызут друг друга из-за цифр рейтинга. Неужели ты не понимаешь этого?

Мари покачала головой:

– Я понимаю это. Я понимаю то, что сухая палка может оказаться бетонным столбом. И она часто им и становится. Но иногда мне может встретиться настоящий саженец. Он прорастет.

Вик в отчаянии махнул рукой и отвернулся. Его лежак медленно взлетел вверх и отлетел к окну.

– А ради чего живешь ты. Вик? – тихо спросила Мари.

– Вот избавь меня от твоих моральных дискурсов. У меня есть мысли поважнее.

– Важнее морали?

– Ага, – ответил фрилансер от окна, – важнее и морали и права и Конфедерации.

– Конечно, куда как апроше жить в замке собственных иллюзий, – повысила голос Мари, – считать себя независимым и современным. Когда вся независимость связана с отсутствием социальных связей. Когда-то это называли зоной психологического комфорта.

Робот – домохозяин замигал лампочками и уехал в кухонный блок.

– Трус, – проводила его Мари.

Вик рассмеялся, а потом сказал девушке:

– Ты продолжай лекцию о морали. Я этот бубнеж иногда слышу. И сам делаю просветительские программы. Можешь продолжать. Скоро будет смешно. Продолжай озвучивать учебно-методические пособия.

– Смешно, – тихо отозвалась она, – действительно смешно. Ты сам – то понимаешь, что мало чем отличаешься от твоего соседа с роскошной телойформе.

– А ты про кого? Про Ту Рана? – спросил Вик, – так он из молодых. И считает, что живет на всю катушку. Скоро он себе катушку вместо головы установит.

– Я видела вчера, как он и еще две телойформы совершали, что-то похожее на сексуальный акт перед твоим домом. Приехала полиции, посмотрела, порадовалась и выписала штраф. А они продолжали.

– У, ууу, – протянул Вик, – много ты о жизни знаешь. От величины штрафа засвистит рейтинг видео их совокупления в сети. А Ту Ран весь в долгах. Вот и выпутывается. Чтобы хот как-нибудь существовать ему и две телойформы надо оттрахать и три и четыре и шесть. Ты не хочешь с ним поднять рейтинг?

– А чем твоя жизнь отличается от его? – очень резко спросила Мари.

– О, Господь, в которого я никогда не верил, – деланно поднял руки к небу Вик, – как хорошо, что столетия жизни я

избегал всех этих училок. Как мало я потерял и как спокойно мне жилось! Они слишком дорогая для меня мудрость!

– Ты знаешь, я тоже не общалась с такими как ты. И сейчас об этом не жалею.

– Конечно, конечно, – лежак Вика развернулся и поклонился Мари, – лучше быть естественной молодой, чем неестественным вечным. Ты даже не знаешь, не баг ли проги тебя таскает сейчас по всем этим вонючим углам. Ты постоянно думаешь, о том права ли сейчас. Но ты очень хорошо знаешь смысл жизни.

– Ты говоришь о разных вещах. Я устала когда мы поедем?

– Сейчас, – спокойно ответил Вик.

– Сейчас? – переспросила она.

– Да, а что такого? Все готово. Пункт назначения известен. Ты более – менее можешь идти. Вызову электромобиль и рванем. К сожалению на экопланере с тобой не полетишь.

– Я понимаю.

– Вот и отлично, – лежак Вика подлетел к двери в блок. Хозяин спустился с него, вынул из шкафа в стене две пары ботинок.

– Это тебе, – толкнул он одну пару Марии.

– Что это? – недоуменно спросила она.

– Ботинки для лазания по горам, – пояснил Вик, – они немного усовершенствованы. В них стоят глушители нейронета. Достаточно сильные, чтобы не идентифицировать нас и достаточно слабые, чтобы нас не приняли за угрозу прави-

тельству Конфедерации. Одевай на ноги и плотно завязывай.

Пока Мари копалась с ботинка Вик одел тяжелую куртку и принял от робота – домохозяина компактный рюкзак:

– Здесь все, что я сказал.

Робот обиженно мигнул оранжевой лампочкой.

– Ладно, не обижайся, – ответил ему Вик и потрепал робота по передней панели.

Мари наконец справилась с ботинками и встала рядом с Виком.

– Больше ничего одевать не будем, – пояснил он, – не надо выделяться. Да и путь не дальний.

Мари согласно кивнула.

– Но так просто уйти нельзя, – Вик пристально оглядел свое жилище, – сутки другие и наши умники хватятся. Начнут искать, где и что. Надо навалить разных хитрых и не очень прог. Робби! Запиши это.

Робот громко свистнул.

– Я уезжаю на три часа, – громко сказал Вик, – позаботься о жилище.

Робот мигнул зелеными огнями.

– Вот и хорошо, – а теперь воспроизведи все это на нейрофоне.

Нейрофон четко высветил Вика, который сообщил, что уезжает на три часа.

– Это ты будешь показывать всем кто позвонит по Сети или нейронету, – приказал Вик роботу, – когда они станут

требовать меня, то скажи, что не имеешь никаких инструкций, а я так и не вернулся.

Робот опять помигал лампочками.

– А теперь наставление на дорожку, – Вик повернулся к Марии и посмотрел ей в глаза, – там куда ты собралась другой мир. И это необходимо понять тебе сейчас. Там нет ни голограмм, ни кухонных роботов. Там даже вода такого качества, что у нас ей запретили поливать улицы.

– Ты хочешь меня напугать?

– Нет только предупредить. Не хотелось, бы повернуть с половины пути.

Мари посмотрела на него.

– Меньшей половины пути, – пояснил Вик, – тебе лучше отказаться сейчас.

– Открывай дверь жилища, – спокойно сказала Мари.

Дверь открылась. За дверным поемом был ночной Гуанчжоу.

– Слушай, а я не могу понять, как ты потом будешь жить, – поинтересовался Вик, – это конечно, не мое дело, но все же?

– Пока не знаю, – тихо ответила она, – однако верю, что все будет хорошо.

Вик глубоко вздохнул и вышел наружу.

Уже темнело. Над головами Вика и Мари быстро сновали торговые дроны развозившие продукты, напитки, наркотики и фейерверки. Вечер только начинался.

Вик любил ночной Гуанчжоу. И город действительно был прекрасен. Громады небоскребов терялись в высоте. Широкие ярко освещенные улицы. Пестрые толпы на них. Различные телодвижения, разнообразные одежды. Гомон неизвестных языков. Крики приветствий. Сияющие в руках людей путевые билеты. А над всем этим было черное, бездонное небо украшенное россыпью ярких звезд.

Это походило на космопорт из детских мечтаний человечества. И если бы парламент Всемирной Конфедерации не запретил на все времена космические полеты, то это могло бы стать явью. Но теперь об этом оставалось только мечтать.

Мари сильно дернула Вика за рукав:

– Что дальше?

– Ах, да, – Вик оторвался от своих мыслей, – сейчас перейдем к выделенной полосе дороги. Потом я вызову электромобиль и поеду. Ничего сложного.

– А долго идти, – поинтересовалась Мари.

– Нет, – Вик показал рукой на противоположную сторону дороги, – вон там посадочная полоса. Ты держись?

– Держусь, – спокойно ответила девушка.

– Ну и хорошо. Пошли. Не забудь включить глушители сети на ботинках.

Ту Ран медленно шел за Виком и Мари. Новая телодвижения сама меняла световой камуфляж и позволяла оставаться

незамеченным. Ту Ран спокойно проследил, как Вик с Мари погрузили на вызванный электромобиль и исчезли в темноте. После этого Ту Ран отослал доклад о прохождении наблюдаемыми объектами очередной контрольной точки, забросил хвост на плечо и широкими скачками побежал на свой пост.

Дорога

Электромобиль весело бежал по мощенной дорожке вдоль глубокого каньона. Солнце еще не взошло, но восток уже алел. Вик зевал, а Мари была, как всегда сосредоточена и молчалива. После одного из поворотов электромобиль затрясся и остановился. Вик проснулся и посмотрел на панель электромобиля. Мари встревожено посмотрела на мужчину.

– Вот так раз, – чертыхнулся Вик перебирая пальцами по панели управления электромобиля, – он пишет, что на борту незарегистрированный груз. Говорит надо или регистрироваться или вылезать. Иначе он дальше не поедет.

– Но ведь сначала получилось, – тихо сказала Мари.

– Сначала он подумал, что мы один организм и обманулся. А вот теперь почему-то раскусил все мои уловки. Очень мило застрять на полпути.

Электромобиль стало легонько трясти.

– Что это, – напугано, спросила Мари.

– А, – Вик оторвался от своего визора, – он хочет, чтобы мы слезли. Пишет, что мы нарушили транспортное законодательство.

– Я не об этом, – испуганно сказала Мари.

Вик резко обернулся. Метрах в сорока слева от них висел боевой дрон. Его винт медленно вращался, но вооружение было зачехлено.

– Понятно, – протянул Вик, – вот теперь все серьезно. Эта батарейка с колесами вызвала помощь. Скорее всего, ничего страшного, но нам действительно надо слезть. Лучше не провоцировать на демонстрацию силы.

Вик выпрыгнул из электромобиля и протянул руку Мари.

– Прошу вас, мисс.

Мари улыбнулась и спрыгнула рядом с мужчиной.

После того как они вылезли электромобиль попятился, развернулся и поехал к городу.

– Халявщик, – крикнул ему вслед Вик, – гипертрофированный гироскутер! Чтобы тебя на гайки разобрали!

Боевой дрон медленно начал набирать высоту и скоро исчез в предрассветной дымке.

– Так странно, – почесал подбородок Вик, – как они догадались. Он не должен был понять ничего. Глушители в ботинках должны были скрыть нас. А вес не показатель для отказа вести дальше. И еще этот дрон. Совсем хреново. Такое впечатление, что все мои забавные игрушки перестали разом работать.

– Нам еще долго? – спросила Мари.

– Что долго?

– Идти долго?

– Это в чем мерить, – Вик немного задумался, – километров сто тридцать электромобиль нас провез. Поэтому идти еще километров сорок. Если все будет хорошо это восемь часов неспешной прогулки. Можно подсчитать точнее, но это

не имеет принципиального смысла.

– Ты знаешь направление?

– Сейчас, сейчас, – неожиданно лицо Вика исказилось, – я вышел в сеть! Да чтоб тебя! Девушка! Ты забыла включить глушитель!

Мари вздрогнула:

– Нет.

– В том то и дело, что нет!

Вик поджал губы:

– Ты поставила все на грань провала. Вернее за грань. Благодаря тебе мы в прерии без транспорта.

– Ты не прав.

– Не прав! – крикнул Вик, – посмотри сама! Выйди в сеть на секунду!

Мари замерла, а потом вскрикнула.

– Как?! – поинтересовался Вик.

– Извини, – только и смогла ответить Мари.

– Да нет. Все прекрасно, – Вик развел руками, – мне мало проблем и ты их решила увеличить. Сейчас не забудь включить глушитель.

– Включила.

– Хотя бы это хорошо.

Мари отвернулась.

– Ты зря обижаешься, – спокойно сказал Вик, – я говорил тебе, что здесь иной мир. Здесь нельзя ошибаться. И здесь нет мелочей. Здесь важно все и не важно ничего. Ты или

погружаешься в него. Ныряешь с головой или не ныряешь. И тогда мир тебя отвергает. Это и есть реальность, а не виртуальность того, что осталось позади. Здесь чтобы выжить ты должна забыть всю эту глупость про мораль и виртуальную демократию.

– Чем тебя не устраивает наша демократия? – поинтересовалась девушка.

– Только тем, что все это пустышка. Выдумка для идиотов. Вся ваша электронная демократия началась с того, что два восточноевропейских царька женились друг на друге. После чего зарегистрировались на древнем видео сервисе – ютубе и за сутки насосали друг у друга сумму равную бюджету своей страны. Это подхватили другие. Так называемые, развитые демократии. Всем хотелось денег и власти. Но очень быстро и дешево. Вот с того времени мы и не знаем покоя. Постоянные голосования о цвете мусорных урн, форме входных дверей и звуке визоров. И эти голосования лишь имитация общественной жизни. Они только отдаляют нас от свободы. А деньги лишь переливаются с одних счетов на другие.

– Это не правда, – резко ответила Мари, – все это вымыслы сетевых конспирологов. Странно, что ты ловишься на такие нелепости. Уж от человека с таким интеллектом я такого не ожидала.

– А если не ожидала, о не надо меня разводить как третьеклассника. Это правда. Это та самая истинная история.

В архаичные времена, до начала трансформации тела одна бедная, но гордая страна устроила войны с другой бедной, но гордой страной. Первая страна оказалась или более гордой или более удачливой и победила вторую. Но владельцам и собственникам мировых денег это совсем не понравилось. Поэтому они наложили на первую гордую страну ограничения. Тогда эти ограничения назывались санкциями. И только потому, что война с этой гордой страной была дорога и экономически не выгодна. Эти ограничения смешные для нас, но тогда они делали население бедным и несчастным. На счастье правителя в его окружении был человек свободных взглядов и вольной жизни, мысливший широко и даже не бывший педерастом. Вот он и предложил такую штуку – воспользоваться уже созданной общемировой сетью и заработать немного денег. Себе он опросил только одну сто десятую часть дохода. Над ним первоначально посмеялись. Говорят, его даже хотели привлечь к ответственности за нарушение общественной морали. Но голод не тетка и два царя женились друг на друге, и стали вести трансляцию своих сексуальных игривостей в сети. Так они и спасли свою страну.

– А этот советник? – повела плечами Мари.

– Советник? – переспросил Вик, – его звали Серж С Ков и он легенда нашего братства фрилансеров. За свою идею он получил столько денег, что стал самым богатым человеком тогдашней Европы.

– Ты случайно не путаешь эту историю с изобретением

шахмат, – осторожно спросила Мари, – древняя легенда говорит, что мудрец изобретший шахматы вел себя так же.

– Нет, – твердо ответил Вик, – во все времена были настоящие вольные люди. Они и создавали информационную среду. Серж С Ков на свои деньги построил четыре моста, через четыре крупнейшие реки Евразии. Это изменило транспортную систему Европы и сделало его еще богаче. После всего этого он сделал все возможное, чтобы сохранить свою анонимность и частное пространство. Говорят, что он до сих пор в сети. Он существует как сознание!

– Ох уж эти ваши фрилансеровские байки, – хмыкнула Мари.

– Эти байки, – резко ответил ей Вик, – более ценны, чем дурь электронного голосования.

Она покачала головой:

– Очевидно Вик, что в этих голосованиях и есть проявление подлинной демократии.

– А она была? Как может быть демократия при отсутствии свободы!

– А ты считаешь, что свободы нет?

– А она есть?! Это значит свобода, когда чтобы выпить лишнюю стопку необходимо нерекодировать сенсоры внутри жилища, чтобы не приехала полиция нравов. Или для поездки за пределы черты городской оседлости необходимы глушители в ботинках? Это и есть свобода?! Жить в усредненном положении между домашним арестом и инкубато-

ром?! Ты это называешь свободой? Как это объяснить с точки зрения учителя морали?

Мари промолчала.

– Так она была? Ваша самая свободная свобода? – переспросил ее Вик.

– Я хочу верить в то, что она была, – вызывающе посмотрела на него Мари, – иначе не имеет смысла преподавать моральные ценности. Без веры этого делать невозможно.

– Преподавать моральные ценности? – засмеялся Вик, – кому и зачем? Ты вдумайся во фразу: преподавать моральные ценности! От нее уже разит тухлятиной!

– Тем, кто их оценит, – ответила Мари, – можно преподавать истинный свет истины.

Вик тяжело вздохнул и отвернулся:

– Я не могу сейчас с тобой говорить. Да я знаю, что робот отвечает. Он так настроен. И что с этой работой? Это так срочно? Невообразимо просто! Ты можешь понять, что я не дома. Нет не дома. Нет, я не прячусь от тебя в ванной! Тогда это когда? Это было один раз и все! Нет, сейчас нет очередной шлюхи! И двух тоже нет! Я могу отлучиться? Нет, не могу? А могу! Ну, хоть это хорошо! Просто изумительно, а то я думал, что так и должен сидеть и ждать твоих распоряжений! Не распоряжений, а предложений? Хорошо, давай называть это так. Так ты договорился с ними? Они прекратят дело? И это окончательно? В прошлый раз ты говорил тоже самое! Ладно, я согласен. Но ситуацию это не меняет. Я за го-

родом. При всем желании я не могу ничего сделать. Сейчас не могу. Как только я вернусь я сделаю эту радость. Сколько времени мне потребуется? Сам прикинь – пару дней на работу и проверка валидности. Три дня, максимум четыре. Да, это так. Быстрее нет возможности. Откуда я знаю, когда вернусь?! Ты сам понимаешь, что всегда есть фактор неопределенности. Мне это надо не меньше чем тебе. Да я все понял. Как найти? Кого? Меня? Знаешь, что просто – звони домой. Я тебе уже сказал, что я не дома. Все кончиться тем, что ты посадишь мне генератор. Там где я сейчас нельзя ничего зарядить. Почему так получилось? Ну это разговор долгий. Хорошо. Да. Да. Да. До свидания, а не плошай. Хорошо.

Мари удивленно смотрела на Вика.

– Не обращай внимание, – отмахнулся фрилансер, – это закладка.

– Какая закладка?

– Когда не можешь достать человека напрямую, то вешаешь на его адрес информационную закладку с вопросами. Я забыл сразу выйти из сети, и пришлось отвечать на все эти вопросы.

– Понятно, – ответила Мари.

– Звонок имеет отношение и к тебе, – улыбнулся Вик, – хотя и отдаленное.

– Да?

– Конечно. Это мой контрагент. Мы с ним влетели немного. Не так чтобы сильно. Попали на распространении нефор-

мального контента.

– Неформального контента? – лицо Мари исказилось.

– Угу. Того, что называют информационными наркотиками.

– Ты продавал наркотики? – испуганно переспросила Мари.

– Не наркотики, – спокойно поправил ее Вик, – а информационные, виртуальные наркотики. Разницу понимаешь?

Девушка кивнула.

– вот и отлично. А распространение виртуальных наркотиков началось давно. Наверное, со времени старинного интернета.

Интернета? – не поняла Мари.

– Да, это первый этап нашего нейронета, – охотно пояснил Вик, – от нашей сети он отличается как наши электромобили от паровозов.

– Паровозов? – удивилась Мари.

– Это было такое транспортное средство, – объяснил Вик, – когда вернемся в город – погугли.

– Лень. Да я и забуду это к тому времени. Так в чем его смысл? Смысл этого паровоза?

– Нет. Нет. Нет, – жестко ответил Вик, – потом. Потом поговорим. Все потом. Сейчас это не имеет смысла.

– Опять закладка? – улыбнулась Мари.

– Да, забыл выйти из сети, – Вик посмотрел на стелющее небо, – сейчас вышел. Так о чем я говорил?

– О паровозе.

– Ах, да. Представь себе большой цилиндр, который грелся открытым огнем, стоял на больших железных колесах и ездил по металлическим полоскам. Эти полоски были проложены по всем материкам Земли. Это считалось наиболее эффективным средством.

– Да, уж. – Мари покачала головой.

– Это еще не все. Сначала его топили дворами, а потом каменным углем, – засмеялся Вик.

– Ужас! Куда смотрела экологическая полиция! Неужели они были такими варварами?

– Ну, экологической полиции тогда еще не было!

– Какие дикари, – хмыкнула Мари, – не удивлюсь, что это была древность. И не удивительно, что в ней и появились виртуальные наркотики.

– Разумеется, – Вик скривился, – на самом деле они безвредны. Это удовлетворении неких нишевых потребностей человека. Тех, которые не покрывает мораль, нравственность, клипы нейронета и прочая дребедень. О них никто не помер, с ума не сошел. И социопатом не стал. И вот недавно их распространение захотели повесить на меня.

– Ничего не поняла, – Мари пожала плечами, – как можно на тебя повесить виртуальные наркотики? Они же виртуальные. И что значит повесить?

– Я имел ввиду, – терпеливо пояснил Вик, – что полиция нравов, заметь не обычная полиция, а полиция нравов, за-

хотела начать расследование распространения виртуальных наркотиков. И включить меня в круг подозреваемых.

– А теперь я все поняла, – засмеялась Мари, – повесить, значит включить тебя в дело.

= Да. Ты очень понятливая. Молодец.

– И что из этого следует?

– Думаю это очевидно, – Вик посмотрел девушке в глаза, – не надо мне светиться. Но только для того, чтобы быстрее все замазать.

– Извини. Я опять не поняла.

– Хорошо, я поясню, это значит, что мне надо какое-то время вести себя согласно всем нормам нашего трасгуманистического общества. Меньше шастать по разным не совсем легальным сайтам и даже тем, которые имеют просто сомнительную репутацию. Это называется не светиться. Потом, когда все немного утрясаться, я вернусь в прежний ритм жизни. А чтобы это произошло быстрее необходимо замазать. Это значит немного поделиться с теми, кто ведет это дело. Незначительное перераспределение денег. И все. Понятно?

– Теперь мне все понятно, – помрачнела Мари, – ты хочешь мне сказать, что не будешь помогать мне? Мы. Ты вернешься сейчас в город?

– Нет, наоборот я помогу, – улыбнулся Вик, – и тебе. И себе. Сейчас мне нужна работа вне нейронета. Только поэтому ты и вытащила меня из моей берлоги. Иначе, я не взялся за такое дело ни за какие деньги.

– А это не опасно для тебя? – поинтересовалась Мари.

– А что может быть опасным? – переспросил ее Вик, – свести тебя с парой легальных программеров? Нет, это нормально. В чем-то даже обычно. Серый рынок апгрейда существует. Все это знают. И в этом нет ничего странного. Тем более мы сейчас под зонтиком глушителей сети. Да и проветриться мне не мешает.

Солнце уже взошло. Оно осветило прерию.

– Ты мог бы сказать мне раньше, – тихо сказала Мари.

– Мог. А зачем, – пожал плечами Вик, – вот там этот Харовск. Если бы не твоя, как бы это сказать... нерасторопность, то мы были бы уже там.

– А ты действительно не имел никакого отношения к этим виртуальным наркотикам? – поинтересовалась Мари.

– А это не имеет никого значения к нашему с тобой делу, – резко ответил Вик, – и чем ты меньше интересуешься тем, что тебя не касается тем лучше для всех.

– Хорошо. Я поняла.

– Вообще, задавай поменьше вопросов. Особенно тем прекрасным людям, кого мы встретим.

– Я поняла.

– А если ты поняла, то включи, наконец, глушитель в ботинках! Ты это обещала сделать двадцать семь минут назад.

Пророк

– Здесь так прекрасно, – сказала Мари, – даже не подумаешь, что здесь шли бои.

– Шли бои? – переспросил Вик.

Они шли весь день и Вик порядком устал.

– Да, – девушка показала рукой на восток, – оттуда наступали армии древних государств. А здесь была одна из самых тяжелых битв Великой Информационной Войны.

– Великой Информационной, – откликнулся Вик, – откуда ты это знаешь?

– Как откуда, – Мари хмыкнула, – это же есть в каждом школьном курсе. Даже в базовом.

– А значит это правда?

– А почему нет? – напряглась Мари.

– А потому дорогая, – ехидно ответил Вик, – что знания базового школьного курса не означают истину.

– А что они означают?

– Они означают только взгляд правительства на то, что было когда-то. И не более того.

– Ты радикален как все фрилансеры, – ответила Мари, – вы верите только в свои сказки.

– Свои сказки, твои сказки, наши сказки, – отмахнулся Вик, – ты видишь сама. Здесь, где должны были идти бои нет ничего.

– А что должно быть?

– Как что? – фрилансер удивленно посмотрел на женщину, – воронки от взрывов, колеи от гусениц древней техники, какие остатки боевых машин. И прочее барахло. А здесь нет ничего. Здесь ровная прерия на десятки километров.

– И на основе этого ты опровергаешь нашу историю?

– Но ты, же видишь все сама. Сколько мы шли всюду только ровная прерия. Где следы боев?

– Это ничего не доказывает, – осторожно возразила Мари.

– Конечно, но я знаю, как велась Великая Информационная! Я немного представляю, как и что происходило в годы ВИБ! И знаю, сколько там вранья!

– Добавь еще, что я ничего не знаю о жизни, – хмыкнула Мари.

– Даже говорить не буду, – засмеялся Вик, – это подразумевается само собой. Но ты только вдумайся в название – Великая Информационная! Информационная! Мари! Управляющее слово – Информационная! Тебе это ни о чем не говорит?

– Не говорит, – холодно ответила Мари.

– Подумай, – Вик провел рукой по горизонту, – ты видела что осталось после войны в моем богатом Гуанчжоу. Даже в городе не все залатали. Так и зияют дыры в стенах. А здесь или все рекультивировали после ВИБ. Правда не понятно, зачем и для кого. А самый простой вариант – что здесь ничего не было. Не было никакой великой битвы. В реальности

не было. А в твоих методичках она оказалась. И стала великой правдой.

– У меня такое чувство, что любое упоминание об официальном тебя приводит в раздражение.

– А мне кажется, что ты хочешь сменить тему. Тебе нечем ответить?

– Мне надо подумать.

– Принимается, – хохотнул Вик, – как аргумент нормальный для учительницы морали. Хорошо. Думай. Но меня сейчас волнует то, что смеркается и до Харовска мы дойти не успеем.

– Это плохо?

– Это не хорошо, – очень серьезно ответил Вик, – нам видется или идти ночью с включенными приборами ночного видения или ждать в прерии рассвета. И то и другое плохо. Это значительные траты энергии генераторов. Если включим инфразвучение то посадим генераторы, будем сидеть в прерии, энергия пойдет на выравнивание перепада температуры холодного воздуха и поверхности прерии. Все плохо. А смеркается здесь быстро. К тому же если включим инфразвучение то нас могут засечь патрульные дроны. Они летают, но в радиодиапазоне нас не видят. А просматривать все в оптике долго. А если включим инфразвучение то могут и засечь. И это тоже плохо. Нет хорошего решения.

– Нам далеко? – насторожено спросила Мари.

– Нет, – отозвался Вик, – километров двенадцать – три-

надцать. Плюс по городу немного. Поэтому и печально споткнуться на пороге.

В сумраке обозначился синий огонек.

– Может это электромобиль, – повернулась к Вику Мари.

– Здесь? Зачем?

– Может экскурсия? – предположила Мари.

– Зачем? Когда-то здесь был эколого-патриотический парк, посвященный какой-то великой победе, – Вик поежился под своей курткой, – потом парк закрыли. Вернее он закрылся сам. Все реальные поездки сменило 16 – Д компьютерное моделирование. После этого парк одичал, транспортные маршруты обошли его стороной. И сейчас здесь нет ничего хорошего. И встреча здесь не обещает ничего хорошего.

– Почему?

– Нейтропедия утверждает, что это место было занято дикими гопниками бежавшими из городов. И эту местность стали звать Зоной Племен.

– Романтично, – тихо ответила Мари, – ты не говорил мне об этом?

– Романтично, – согласился Вик и поднял воротник куртки, смотря как приближается синий огонек, – в городах даже никто не представляет, что происходит здесь. Поэтому надо быть готовым ко всему. Но ты не говори ничего. И не трать энергию генераторов зря. Больше я тебе никаким советом помочь не могу.

Синий огонек неожиданно пропал, вспыхнул и загорелся

ярче, а потом стал светить ровным светом. Вик хмыкнул:

– Кто бы это не был, он спустился в яму. Потом, поднялся на бугор и теперь идет к нам. Интересная фигура. Если это не приманка. Не разведка, то по нему можно будет точно сориентироваться. Не трать ресурсов на его опознание. Я его хорошо вижу. Скоро ты сама все увидишь – обычным зрением.

Сказав это Вик медленно потер затекшую спину и осмотрелся.

Наконец незнакомец стал виден и Мари. Это была безусловно телоформа человека, но человека с одной рукой, в которой он держал факел с синим пламенем. Незнакомец не шел, а как-то плавно катился вперед. Вскоре он и сам заметил Вика с Мари, изменил направление движения и подъехал к ним. Вблизи он представлял совершенно необычное зрелище. Одна его рука была демонтирована, причем демонтирована давно и грубо. Вместо плечевого сустава стояла заслонка, из прозрачного пластика, ставшая от времени мутной. Одна нога незнакомца была так же демонтирована и даже лишена бедренного сустава. Передвигался он только благодаря тому, что к оставшейся ноге был привязан крошечный ровер из тех, что продают для апгрейда антикварных стульев и кресел, если хозяин пожелает сделать их самоходными. Одет незнакомец был тоже причудливо – обрывки кожаной штанины были примотаны скотчем в ногу, кожаная куртка была местами приклеена клеем, а местами скотчем.

Лицо незнакомца было пыльным, даже грязным, волосы длинные, вьющиеся, черные, но сальные, грязные. Под волосами угадывался пластиковый каркас который когда-то должен был держать форму прически. Но при этом горбоносое лицо светилось улыбкой.

– Алаведерче! – радостно выкрикнул незнакомец.

– А на стандартном можно? – негромко ответил Вик, – мне лень включать словарь кроссперевода.

– Можно, – ответил незнакомец и подъехал вплотную. Вика и Марии обдало ароматом вонючего тела, йода, клея и машинного масла.

– Вы как здесь? Какими судьбами? – не прекращая улыбаться, спросил незнакомец.

– Гуляем, – спокойно ответил Вик.

– Гуляете? Здесь? – спросил проезжавший, и ролики его единственной ноги перестали скрипеть.

– А что такого? – Вик ухмыльнулся, – это романтическое путешествие. А ты здесь как?

– Я здесь проповедую! – заявил незнакомец, – зовите меня пророком, ибо отказался я от имени человеческого.

– Хорошо, – ответил фрилансер, – ты отказался, а я нет. Зови меня Лайком!

– Ол райт! – выкрикнул Пророк.

– Здесь проповедуешь?

– Здесь, – убедительно сказал Пророк.

– Проповедующее зная, что здесь никого нет? – переспро-

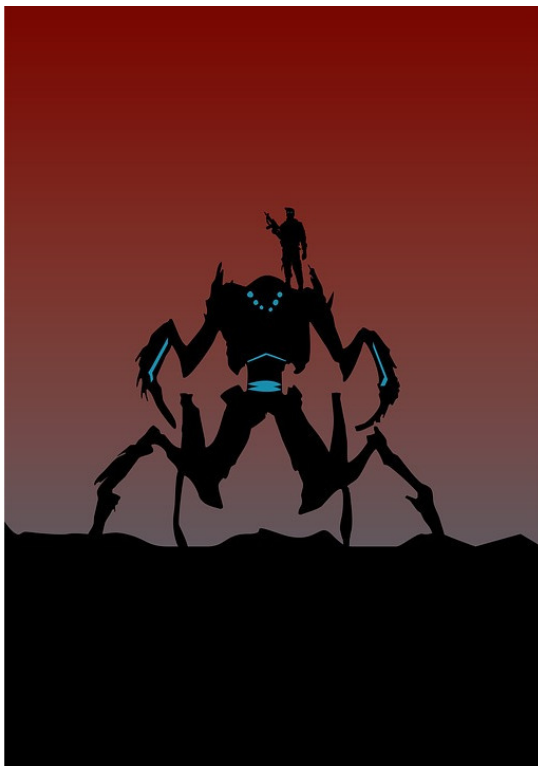

сил его Вик.

– Отказавшись от имени человеческого, отказался я и от постоянной паствы. И поклонников. И зрителей сети. Всего мирского. Все отринул.

– Это уже и так понятно. А ногу с рукой куда дел? Тоже отказался, – Вик уже стал думать, что теряет время с этим сумасшедшим, скорее всего оставшимся от стада бежавших сюда городских гопарей лет шестьдесят назад.

– А нога? Рука? – Пророк рассмеялся, – скажешь тоже. Кто от них откажется добровольно. Демонтировала «Азбука». Кто же еще. Уже и н помню когда. Помню, что жил еще в городе Хабаровске. Пришли ко мне воспитанные люди, сняли руку и ногу, а больше ничего не забрали. По закону не положено брать вторые парные органы и непарные органы. Если конечно нет специального решения суда. Так я стал одноногим и одноруким. Но свободным в душе. И теле.

– А получить новые сложно было, – поинтересовался Вик.
– Легко! – выкрикнул пророк, – но для этого работать надо. Где-то пахать и просить. Просить и пахать. Десятилетия. Столетия. И без надежды на вечную жизнь после смерти. А мне лень ради железок убиваться и кредиты платить. Продам я все, что было. Купил вечный синий факел и хожу здесь.

Так как ходить не могу, то езжу, но так как пророк должен ходить, а не ездить говорю. Что хожу, хотя езжу.

– Понятно, – кивнул Вик.

– Все тебе понятно. Понятливый ты какой, – опять рассмеялся Пророк.

– Зачем?

– Зачем? – рассмеялся высоким голосом Пророк, – ищу человека.

– Банально, – проскрипел Вик опасения, которого начинали сбываться.

– Банально. Но человека я не нашел ни одного. А Диоген вылазил из бочки и видел их тысячи. Но не считал людьми. А я людей не нахожу. Но я до этого не сразу дошел. Не сразу осознал, что нет человека. Нет нигде. Сначала с такими же, как я ничтожными людьми. С братьями – гопарями по прерии гонял. Вначале грабили транспортные суда, а потом когда транспортов здесь не стало, то начали мы мочили друг друга. Бухали. Кололись, молились и сам понимаешь. Весело жили! Весело!

Пророк кивнул на Марии и подмигнул Вику.

– Оно и понятно, – Вик напрягся, – а теперь кореша твои где?

– Везде! – Пророк засмеялся. Он дернулся, ровер под его ногой заскрипел, но гироскопы привели его в устойчивое положение.

Вик подумал, что простая и банальная ловушка захлопну-

лась, но Пророк опять громко засмеялся:

– Нет уже братанов! Все положили. Кого убили. Прилетели дроны и кого-то постреляли. Кто сам кончился, а кто и в города вернулся. Покаялись и живут, забыв прошлое. И мне предлагали изменить душе своей. Но я здесь один остался и катаюсь только с птахами божьими. А так как Бога нет то с моими птахами.

– А живешь как? Жрешь ты что?

– Вот. Этого и ждал я! – Пророк взмахнул неугасимым синим факелом, – подаянием я живу! А если честно, то иногда заряжаюсь от трансформаторов ветряков, а в основном солнечным светом питаюсь. Генераторам хватает. Хватает, так как в сеть практически не выхожу. Сам понимаешь, что энергии мне не надо. А то, что инфразвучение село так мне на это забить. Хер с ним. Жру мало сам понимаешь. Но иногда заказываю синтетику через сеть.

– И привозят? – поинтересовался Вик, – сюда в эту жопу? Кто-то сюда посылки доставляет?

– Да нет конечно, – ответил Пророк, – специально сюда никто не полетит. И груз мал и опасно. Но частные дроны сбрасывают посылки в радиусе двадцати километрах от города. Там я жратву и подбираю. Мало конечно, н мне хватает.

– А деньги где берешь? – спросил Вик.

– Братаны! – крикнул пророк, – что от них осталось. Я и счета их на себя перевел. Да и не надо мне много денег.

Отринул я все. Все отринул!

– А в цивилизацию не хочешь?

– Хочу и не хочу. Звали меня. Говорили – вернись и все простим! – Пророк задумался и посмотрел в сторону Гуанчжоу, из которого пришли Вик и Мари, – но сам поднимешь, что мне там пахать и пахать. А все ради того, что бы быть верным членом общества и слугой «Азбуки» и ФРС. Не хочу. Свободы хочу.

– Как знаешь. Все хотят и никто ее не имеет. Нас все свобода имеет. Хотя ты нам вовремя попался. Нам как раз в Хабаровск надо. Ты бы подсказал.

– Подскажу, – быстро ответил Пророк, – сам понимаешь, что все расскажу. А она, что немая?

Вик посмотрел на Марии, потом и на Пророка:

– Нет, конечно, но она не любит говорить с незнакомцами. Ты странный согласишься.

– Вы тоже место для соития выбрали неожиданное, – Пророк ухватил один из своих длинных и жирных локонов и накрутил его на палец.

– Это ты придумал. Я тебе правду сказал, – Вик наклонил голову, – мы идем из Гуанчжоу в Хабаровск.

– А что идете, – Пророк наклонился к Вику, – а что не на планере? Или не на каре? Приключений захотелось?

– Ты шизик что-ли? – неожиданно выкрикнула Мари, – просто идем и все.

– А вот моя дорогуша ничего просто так не бывает, – Про-

рок продолжал смотреть в лицо Вика.

– Считай, что нас тебя провидение послало, – сказал ему Вик.

Пророк засмеялся:

– Не делай из меня придурка! Ты Лайк края не теряй! Плевать мне, что ты хочешь и куда ты хочешь! Иди куда хочешь здесь свободная земля!

– Твоя! – ехидно спросил Вик.

– Ты что идиот! – вскрикнул Пророк, – я же сказал свободная! Может только здесь свобода. Здесь и в Антарктиде! Но пингвинов здесь нет! Иди куда ты хочешь и для чего хочешь и плюй на всех!

– Хорошо, – Вик покрутил головой по сторонам, – говоришь, нет здесь никого!

– Есть! – ответил Пророк, – Есть! Я и мои мысли!

– Ну и то хорошо. Что мысли у тебя есть. Ты мне скажи – ты здесь следы великих битв прошлого наблюдал?

– Каких еще битв? – завопил Пророк, – ты больше меня конченный! Здесь прерия на тысячи квадратных километров. Чистая и ровная. Есть лощинки и бугорки. А битв здесь великих не было.

– А парк патриотический был?

– Парк был, – кивнул пророк, – но прилетели дроны. И все размонтировали. И увезли. И было это давным давно. Я тогда еще с братанами гонял здесь. Жаль парк было. Но нам ничего не досталось.

Вик улыбаясь, посмотрел на Мари.

– Вик, – Пророк приблизил свое грязное лицо к фрилансеру, – я много чего понял в этой жопе.

– А откуда ты мое имя знаешь? – настороженно спросил Вик.

Пророк захохотал:

– Вик, – если это твоя куртка, то имя выбито на твоей роскошной эмблеме с лучником! Я даже знаю, что ты фрилансер. Ты сам все это на куртке выбил. А еще вы сеть глушите. Я потому к вам и поехал. Думаю – вот интересные люди идут. Явно не простые молодые тапочки. Решил с вами поговорить. А ты так тупишь, а Вик?

Мари посмотрела на Вика и впервые за все время разговора с Пророком улыбнулась.

– Ладно, ладно, – смутился Вик, – ступил. Конкретно ступил.

– Ступил! – засмеялся Пророк, – поэтому я тебе все подробно расскажу, иначе ты до Хабаровска никогда не дотопаешь. Извини мой плотно тормозящий друг. Может, ты слишком погружен в себя. А может, твои генераторы уже садятся.

– Это не имеет значение. Что ты можешь сказать?

Пророк поскрипел:

– Знаешь, что человек обречен!

Вик вздохнул:

– Это не новость. На примере твоих братков все понятно.

Пророк скривился, но аргумент принял:

– Только вопрос как обречен как биологический объект, социальный или культурный. И что нам надо уничтожить тело, общество или душу!

– Спасти душу! – четко ответил Вик.

– А ты уверен? – Пророк в упор посмотрел на Вика, – тело это не игрушка. Вот я сократил себя наполовину и чувствую, что этого мне мало. Мало. Надо резать дальше. Вик дай нам шанс выжить.

– Да пожалуйста, – разрешил Вик, – спасайся сколько хочешь. Хоть каждый день и час.

То, что происходит сейчас это хорошо. У нас нет и не может быть примеров вечной жизни биологических видов. И человек как биологический вид обречен. Остается решить, как жить дальше. Очевидно то, что необходимо разбить триединство тела, общества и культуры. Тело живет несколько десятилетий, общество может протянуть несколько столетий, а культура бессмертна. Она будет существовать до тех пор, пока на Земле есть луч сознания.

– И это твое пророчество?

– Мое пророчество, – Пророк выпрямился, – это смерть общества ради жизни разума. Вечной жизни!

– Это очевидно, даже обычно, – рассмеялся Вик.

– Обычно, – охотно согласился Пророк, – но это обычно когда тебе пишет товарищ через нейронет. Но это необычно когда ты встречаешь безумца в прериях, который машет факелом и ищет вчерашний день!

– Ты смешон, – вмешалась в разговор Мари.

– И жалок! – выкрикнул Пророк, – я никчемен и жалок!

Моя жизнь убогая и несчастная. Я самочинно оскотил себя ради вечности!

– Вечность приняла тебя? – выкрикнула Мари.

– Примет, – ответил Пророк, – скоро я сдохну от рака. Осталось несколько месяцев. И из могилы я призову мир к ответу!

– Тебя восстановят, – крикнула Пророку Мари, – сейчас никто не умирает. Как только «Азбука» получит сигнал о твоей смерти, ты будешь реплецирован из ДНК-матрицы. И тогда начнешь новую жизнь!

– Это буду уже не я, дрогуша! Если вам так нужно мое воющее тело, то имейте его как хотите! А я спасу свою душу! А вы можете спасти человечество!

– Ура! – выкрикнул Вик и засмеялся.

Пророк, подняв факел и пропел?

– Бог создал человека как мужчину и женщину. И если разделить одно от другом то и человек загнется! Загнется! И не сможет править птаками божьими и тварями живыми!

– Глубокомысленно, – сказала Мари, лицо которой свело от судороги.

– Как есть. Как есть. Я есть пророк новой веры! Веры! Люди веры! Веры!

Пророк устал кричать и замолчал.

– Мысли кончились, – спокойно поинтересовался к Про-

рока фрилансер.

– Нет, – ответил Пророк, – голос сел. Давно так много не говорил. И на таких высоких тонах.

– А ты кем был до своего превращения в Пророка, – спросил Вик.

– А вот это уже не имеет значения. И тебе Вик это никак не поможет. Важно то, что есть сейчас.

– А что сейчас?

А сейчас все напросвет стало. Дроны видимые. Дроны невидимые. Дроны летающее. Дроны плавающие. Дроны подводные. Вот только дрон в душу мне не запустишь! Не запустишь! Понятно тебе это!

– Мне-то понятно, – засмеялся Вик.

– Вот тогда и молчи, – ухмыльнулся Пророк.

– Хорошо, – ответил фрилансер, – вот только наркоты не держу.

– Врешь, поди, – не сдавался Пророк.

Вик покачал головой.

– Нет. Так нет, – неожиданно согласился Пророк.

– Ладно, нет у нас ничего такого хорошего и запрещено-го, – улыбнулся Вик, – ты лучше скажи, где, где Харовск?

– Там, – ткнул Пророк факелом на северо – восток. Идите спокойно, вокруг города нет минных полей и сторожевых вышек. Но когда увидите город отключите глушители. Вас могут обнаружить визуально и не опознав по системе «свой-чужой» уничтожить. А мне бы этого не хотелось.

– Хорошо. Куда ты сейчас?

Пророк посмотрел на Вика, улыбнулся и потряс над головой синим факелом:

– Искать человека!

– Удачи тебе, – сказал Вик.

– И тебе удачи! – Пророк на секунду замер и добавил, – удачи тебе во всем, что ты задумал! Извини руку пожать не могу, но считай, что я тебя обнял! Обнял руками!

Мотор ровера Пророка заработал. Пророка качнуло слева направо, он выпрямился, поднял выше вечно светящийся факел и медленно поехал.

Пророк неожиданно остановился и посмотрел на Вика и Мари:

– Вы как юные боги! Но человек не рожден богом, он рожден героем! А все герои смертны! Станьте смертными и вы станете счастливы! Тогда вы станете богами! Богами!

Пророк постепенно удалялся и его голос слабел.

– Какой-то сумасшедший, – тихо сказала Мари, ей явно было не хорошо.

– Да, – согласился Вик, – обычный сумасшедший. Но сейчас стало очень мало обычных сумасшедших. Перевели их. Вывели в вечно молодых и вечно дурных. Сейчас сумасшедшему не выжить. Свобода не дает возможности жить сумасшедшим.

– Вот и хорошо, – резко сказала Мари, – меньше будет безумцев. Тем более религиозных фанатиков.

– Такие фанатики двигали науку. И философию. Но это было еще до того как запретили религию, – хмуро сказал Вик.

– Религию никто не запрещал, – упрямо ответила Мари, – в нашем свободном обществе возможно все. Ты сам видишь как много разных придурков.

– Нет? – улыбнулся Вик, – значит, мне показалось, что религии уже нет.

– Ты религиозный фанатик?! Может ты в составе тайной секты?! – неожиданно громко спросила Мари.

– Конечно, нет, мне совершенно безразлично кто и во что верит. Для фрилансеа иное и невозможно. Фриланс основан на принципе абсолютной свободы от всего.

– Хорошо, – наставительно произнесла Мари, – я объясню тебе, если ты действительно не знаешь, что происходит. Религия стала не нужна, как только в распоряжении человечества появились реальные инструменты бессмертия. Мы сами. Без помощи выдуманных друзей смогли обеспечить свое бессмертие. И создать «золотой век». Сейчас мы ближе к религиозному идеалу больше чем когда – либо в истории. Мы сделали возможным научный рай.

– О, речь опять о «золотом веке», – поддел Мари Вик.

– Да, это время без бедности, рабства, голода и социального неравенства, – отчеканила Мари, – у всех равные возможности и равные ресурсы. Сейчас все могут все!

– Понятно, – улыбнулся Вик, – а ты мне не продашь билет

В ЭТОТ САМЫЙ «ЗОЛОТОЙ ВЕК».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.